

Ювелирная работа

Автор:

Андрей Шляхов

Ювелирная работа

Андрей Леонович Шляхов

Может ли человек, не имеющий медицинского образования, достичь карьерных высот в медицине? Может! Однозначно – может, поскольку образование и прилагающиеся к нему знания не являются главной составляющей успеха. Все дело в удачном стечении обстоятельств. Волею судьбы (и без какого-либо волшебства, которое бывает только в сказках) молодой ювелир из города Братска получает шанс воспользоваться документами своего младшего брата, свежеепеченного врача-кардиолога. Ювелир использует подвернувшийся шанс «на всю катушку» и за десять лет достигает невероятных высот в столице. «Кому везет, у того и петух несется», говорят в народе. И совершенно правильно говорят!

Андрей Шляхов

Ювелирная работа

Посвящается тем, кто смотрит на жизнь через розовые очки

«Благородный муж никогда не проявляет чрезмерного усердия в делах, поскольку знает, что самое лучшее и самое худшее происходит внезапно и без наших усилий»

Конфуций, из неопубликованного

ОТ АВТОРА. Разумеется, я должен сообщить своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых идет речь в этой книге, являются продуктом моего буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы мной от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны, но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может. Если вам покажется, что у главного героя есть реальный прототип, и что этот прототип довольно широко известен в столичных медицинских кругах, то это будут уже ваши предположения, а не мои. И нести за них ответственность придется вам.

Пролог

Алекса разбудили чужие, незнакомые голоса.

– В рубашке парень родился, – сказал мужской голос. – Если бы успел сесть в машину, лежал бы сейчас в морге вместе с остальными...

– Ужас какой! – сказал женский голос. – Среди бела дня, в центре города... Даже подумать страшно. Три трупа, плюс один в реанимации...

Женский голос был бархатистым, низким, очень похожим на мамин. Алекс подумал – уж не мама ли это? – но сразу же вспомнил, что мамы больше нет. Это сон. Просто сон. Потому и глаза открыть не получается.

– Говорят, что там не три трупа, а мешок с обгорелыми фрагментами, – сказал мужчина. – Хорошо еще, что идентифицировать не нужно, свидетели личность подтвердили, а то бы Евгений Александрович повесился...

Три трупа? Мешок с фрагментами? А при чем тут директор школы? Зачем ему вешаться?

– Им уже все равно, – сказала женщина. – Их теперь на небесах идентифицируют.

– На небесах?! – иронично переспросил мужчина. – Савелия? Не смейся! Ему в аду самое место...

Глаза все еще не хотели открываться, но Алекс увидел (это же сон!), как Санек садится на заднее сиденье и захлопывает дверь отцовского праворульного лексуса, не дожидаясь Алекса. Санек – тот еще гаденыш. Он не упустит шанса лишний раз указать старшему брату на его низкий статус. Сидящий на водительском месте отец приглашающе машет Алексу рукой и запускает двигатель... Яркая ослепительная вспышка... Чья-то невидимая и очень сильная рука швыряет Алекса назад... Снова темнота... Вдруг снова яркий свет. Где-то наверху светит лампа и видны две головы в зеленых шапочках и белых медицинских масках. А, это получилось открыть глаза... Значит, он в больнице, а отец, Светлана и Санек – в морге. Сказал же женский голос про три трупа... Мешок с фрагментами? Свидетели подтвердили личность? А что если...? Мысль, конечно, хорошая, но... Была – не была!

– Он глаза открыл! – сказал женский голос.

– Молодец какой! – похвалил мужской голос.

Обе головы приблизились и заслонили собой лампу, что было хорошо – уж очень резал глаза ее свет, а отвернуться не получалось, затылок будто приклеили к подушке. Зажмуриваться же было страшно – вдруг не получится снова открыть глаза?

– Вы меня слышите? – спросил мужской голос.

– Да.

– Вы помните, что с вами произошло?

– Плохо... Я в больнице?

– В больнице. Не волнуйтесь, у вас все хорошо, а скоро совсем будет в порядке. Руки-ноги целы, внутренние органы тоже, всего лишь небольшое сотрясение головного мозга и перелом костей носа. Можно сказать, что вы счастливо отделались...

- Вы помните, как вас зовут? – спросил женский голос.

Алекс уже понял, что женская голова находится справа, а мужская – слева. Низко надвинутые на лоб шапочки и большие маски закрывали почти все лицо, но брови оставались на виду. Слева брови были широкими, кустистыми, а справа – тонкими, выщипанными «в ниточку».

- Помню... Алекс... Алекс Бушмакин...

- А полностью?

- Алекс...андр... Николаевич...

- Год рождения?

- Восемьдесят п-п... шестой.

- Домашний адрес можете назвать?

- За... – начал Алекс, но вовремя спохватился. – Зачем?

- Надо указать в истории, ну и память вашу заодно проверить.

- Депутатская, 38, квартира 12...

Глава первая. Конец Императора тайги

В элитном доме на Депутатской улице, прозванном в народе «домом для бедных», Алексу никогда бывать не доводилось – не приглашали. Редкие встречи с отцом-папашей (так называла его мать) происходили на нейтральной ресторанной территории. От барского «Заказывай что хочешь, не стесняйся» Алекса внутренне потряхивало. Хотелось встать, шаркнуть ножкой, отвесить шутовской поклон и сказать в старинном стиле: «Благодарствую, папаша, за вашу великую заботу о горемычном сироте», но Алекс выражал свой протест

тем, что заказывал только одно горячее блюдо, причем – самое недорогое. Чаще всего это был шницель с жареной картошкой. «Откуда в тебе эти австрийские замашки? – привычно удивлялся отец. – Возьми что-нибудь наше – мясо покупечески или пельмени с олениной...». Сам отец заказывал и мясо, и пельмени, и что-нибудь рыбное в придачу, а закусок было столько, что они сплошняком уставляли весь стол. Половина заказанного так и оставалась нетронутой. «Сказать, чтобы завернули с собой?», предлагал отец в конце трапезы. «Спасибо, не надо», отвечал Алекс, стараясь не глядеть в отцовские глаза, чтобы не выдать ненароком свои истинные чувства. От нескольких сто долларовых купюр, которые отец протягивал при прощании, Алекс тоже отказывался, но этот номер не проходил – заботливый родитель засовывал «зелень» в карман скромняги сына и на этом считал свой родительский долг выполненным. Хорошо, что встречи были редкими – раз в три-четыре месяца. Алекс предпочел бы таким фальшивым родственным отношениям честные. Раз тебе, дорогой отец-папаша, совсем нет дела до твоего старшего сына, то нечего мучить себя и его этим показушными ритуалами. Генетическое сходство – не повод для поддержания отношений. И вообще, как разбитый горшок не склеивай, вода в нем держаться не будет.

Горшок разбился давным-давно, когда Алексу было три месяца.

– Сбежал твой отец-папаша от пеленок, – отвечала мать на все вопросы сына. – Не нравилось ему, что они по всей квартире развешаны. Он же эстет-аристократ, голубая кровь...

Насчет эстета-аристократа и голубой крови – это был сарказм. Никаких благородных предков в роду у отца не было. Дед Алекса крутил баранку, а прадед пахал землю. Но в середине девяностых годов материнская ирония неожиданно воплотилась в жизнь, когда среди новых русских начала распространяться мода на дворянское происхождение. Отец обзавелся пристойной родословной и стал членом местного Дворянского собрания. Ну а как же можно обойтись без понтов? Компаньоны уважать перестанут, дружбаны от тебя отвернутся.

Однажды, классе в пятом, Алекс поинтересовался, почему пеленки не выгнали отца из второй семьи, ведь там очень скоро родился брат Санек.

– Так Светлана его железной хваткой за яйца держала, – серьезно, как взрослому, объяснила мать. – Она же бухгалтером в тресте работала и была в

курсе всех его махинаций, кому он кирпичи со стройки толкнул, а кому – доски... У нее все было записано, с датами и суммами, полная бухгалтерия! Если бы он от Светланы ушел, она бы его сдала с потрохами. Сел бы твой отец-папаша лет на восемь, как миленький, при социализме с расхитителями государственного добра разговор был короткий. Нет, лучше уж пеленки у себя дома нюхать, чем портянки в бараке.

Пока Алекс рос, от отца не было никакой помощи, кроме алиментов. В начале девяностых, когда отец ушел из прорабов в бизнес, алименты стали смехотворно низкими. Экономя на налогах, предприниматели устанавливали себе крошечные, чисто символические, зарплаты, а реальные доходы получали «черняком». Мать, вечно колотившаяся на двух работах, да еще и стригшая клиенток на дому, злилась невероятно. Несколько раз она подстерегала отца возле его офиса и устраивала скандал, требуя помогать родному сыну как следует. Отец отталкивал ее и шел дальше. Общественного порицания он не боялся, не привык обращать внимания на такие пустяки.

– Не в деньгах дело, – вздыхала мать. – Что ему деньги, козлу рогатому? На то, что он за один раз в ресторане оставляет, мы с тобой полгода могли бы прожить. Это он мне мстит, за то, что я ему всегда правду в лицо говорила, а заодно и тебе мстит... Ну я – ладно, а тебе-то за что?

Алекс придумывал разные причины. Злая Светлана запрещает отцу общаться с первой семьей и помогать старшему сыну, причем запрещает так, что ослушаться ее невозможно. Например, угрожает подослать к Алексу и матери наемных убийц, если отец будет с ними общаться... Или же это отец сам так решил, потому что жизнь у него опасная и он не хочет, чтобы из-за его дел пострадали бы бывшая жена и сын от первого брака. Недруги же часто отыгрываются на родственниках или же берут их в заложники. Но когда все наладится, отец придет к ним и скажет: «ну, здравствуйте, родные мои!»... В глубине души Алекс понимал, что все это – пурга чепуховая, но продолжал изобретать различные оправдания. Трудно было смириться с тем, что твой отец – козел, которому нет дела до родного сына.

Мама умерла в тот день, когда Алекс получил аттестат о среднем образовании, прямо на торжественной церемонии в актовом зале. Раскрыла, прослезилась и сползла с кресла на пол. Оторвавшийся от стенки вены тромб, закупорил сосуд в мозгу. У отца-папаша в то время уже был торговый центр «Савелий плаза» и две бензоколонки «Савва плюс». Над названием «Савелий плаза» втихаря

посмеивался весь Братск – уж больно не сочеталось старинное русское имя с модным заграничным словом. Да и «Савва плюс» тоже звучало странно. Плюс что? Люди, заправляясь, шутили: «Савве плюс – карману минус». Была бы возможность, отец и Братск в Савельевск переименовал бы, да руки короткие, точнее – денег на такое дело не хватало.

Узнав о смерти матери от сарафанного радио (слухи по Братску разносятся мгновенно), отец организовал похороны, пристойные, но без роскоши и позаботился о будущем Алекса – устроил его учеником в ювелирную мастерскую. Профессию отец выбрал сам, не спрашивая сына о его предпочтениях.

– Ремесло хорошее, хлебное и чистое, это не на стройке лопатой махать, – сказал он.

Ага – хорошее и чистое! Как бы не так! Постоянно дышишь кислотными парами, от неудобного положения спина к вечеру деревенеет (и это в двадцать с небольшим, а что будет в сорок?), да и насчет «хлебного» отец-папаша сильно преувеличил. С голоду, конечно, не помрешь, но и не разбогатеешь. И перспективы никакой, потому что нет диплома. Обучение в мастерской на лично-договорных началах, дает только знания, а не «корочки». А без «корочек» никуда не продвинешься, так и будешь всю жизнь цепочки чинить и кольца полировать. И вообще, ювелирное дело Алексу не нравилось. Ему хотелось чего-то большего, например – стать врачом или юристом. Если бы отец спросил... Но он не спросил.

Пока Алекс учился ремеслу, отец выдавал ему «стипендию», довольно скромную, но рачительный Алекс ухитрялся понемногу откладывать из этих денег «на черный день». Мать приучила, что без заначки жить нельзя, мало ли что случится, а занять всегда не у кого. Во время службы в армии стипендия сократилась до двух тысяч в месяц. Большого по мнению отца солдату и не требовалось – он же на полном государственном обеспечении. После демобилизации Алекс получил в подарок навороченную мобилу (не иначе как Саньку купили, а ему не понравилась) и отцовское напутствие: «Живи правильно!». Дальше общение с родителем перешло в режим редких ресторанных встреч, сопровождавшихся мелкими унижительными подачками. Посетители мастерской, узнав от чрезмерно болтливых коллег о том, что Алекс сын «того самого» Савелия, округляли глаза и недоверчиво качали головами – не может быть! А одна неплохо сохранившаяся дамочка постбальзаковского возраста спросила:

– Это у вас хобби такое, да? Вы здесь сидите, потому что вам нравится с золотом и камнями работать?

– Очень нравится, – ответил Алекс, мысленно посылая по известному адресу и дамочку, и все золото мира вместе с камнями и отца-папашу вместе с его сукой-женой и сыном-придурком.

Ярлык «суки» Светлане прилепила мать. Сам Алекс с ней никогда не общался, только видел несколько раз издалека. Что же касается брата, то как можно назвать взрослого парня, который способен на глазах у людей купаться нагишом в фонтане в компании таких же балбесов? Алекс наблюдал эту картину собственными глазами. Узнать братца было несложно – как будто на себя самого смотришь. Отец-папаша по натуре был однолюбом. Его вторая жена походила на первую и лицом, и цветом волос, и фигурой. Дети, рожденные от двух внешне схожих женщин и одного и того же мужчины, закономерно должны иметь много сходства, но в данном случае сходство было настолько выраженным, что Алекса и Санька можно было принять за двойняшек. Все одинаковое, разве что носы разные – у Алекса прямой классический, а у Санька чуть курносый, да спереди у него вихорок, про который в народе говорят «будто корова лизнула». А в остальном – ну просто клоны Николая Савельевича Бушмакина, широко известного под прозвищем «Савелий».

Но сходство между братьями было только внешнее, а во всем остальном – две огромные разницы. Младший сын будто сыр в масле катался, ни в чем отказу не знал, жил в центре, по городу разъезжал на дорогом автомобиле, а старший обитал в непрестижной Осиновке, которую в народе за отдаленность и бывший поселковый статус называют «Зажопинском». Передвигался старший сын на автобусах или велосипеде, такси позволял себе в особых случаях, например – когда нужно было отвезти клиенту особо ценный заказ. Старшему сыну отец-папаша даже диплом выправить пожадился, а младшего пристроил в медицинский, а после – в ординатуру. И жил Санек в Иркутске явно не в общежитии, а в снятой квартире, на всем готовом. Курьерить, чтобы свести концы с концами ему не приходилось, потому что его концы давно были сведены могучими отцовскими руками. Такая вот дисхренация наблюдалась между братьями.

Не то, чтобы Алексу было завидно. Он вообще никому никогда не завидовал, поскольку понимал, что завидовать бессмысленно – никаких благ от этого не

прибавляется. Но вот обида грызла, причем – основательно. Почему одному все, а другому – кукиш с маслом? Чем он виноват? Разве он не такой же сын своего отца? Разве он просил, чтобы его родили? Нет, по рассказам матери отец-папаша просто с ума сходил при мысли о наследнике и ужасно хотел, чтобы родился мальчик. Сначала хотел, а потом перехотел... Можно же, в конце концов, выстроить отношения иначе и принимать больше участия в жизни сына. Спрашивать о делах, давать мудрые советы, приглашать в гости домой, устроить на хорошую работу, которую в Братске без связей хрен найдешь... Ну а если деньгами захочется помочь, то надо это делать уважительно – не смятые купюры в карман совать, как халдею, а сказать по-человечески: «Хочу помочь тебе сын, поскольку ты – моя родная кровь»...

На свое двадцатипятилетие Алекс запланировал роскошную программу – поход по северному нетуристическому побережью Байкала в компании одной симпатичной особы, которая... Впрочем, нет смысла про нее рассказывать, поскольку накануне отъезда они разругались насмерть по совершенно пустячному поводу. Пока Алекс шел от подруги домой и размышлял, что ему делать – ехать одному или отложить поход до весны, мобильный в кармане заухал криком филина (такой сигнал был установлен для отцовских звонков).

– Здравствуй, сына! – сказал отец с неожиданной теплотой в голосе. – Пока не поздравляю, ведь заранее нельзя, но уже начал отмечать твой юбилей. А завтра хотелось бы отметить его в узком семейном кругу...

Отец далеко не каждый год поздравлял Алекса с днем рождения, чаще забывал и вручая при следующей встрече очередную «дачку», говорил: «с прошедшим тебя». А если и вспоминал, то поздравлял коротко, по телефону своей любимой дурацкой присказкой: «Хэппи бездей ту ю, верти все на х. ю!». А тут вдруг – отметить в узком семейном кругу! Неужто в гости пригласит?

Насчет приглашения в гости Алекс ошибся – отец сказал, что забронировал стол в ресторане «Венеция». Этот ресторан открылся совсем недавно, но сразу же прославился на весь Братск своими ценами. стакан воды без газа – пятьсот рублей, чашка эспрессо – восемьсот пятьдесят, порция солянки по-строгановски (что за чудо?) – две с половиной тысячи... Народная молва предрекала «Венеции» быстрое разорение, а там, оказывается, столы заранее бронировать надо. А вот насчет семейного круга отец не преувеличил, сказал, что придет «со Светулькиным и Саней». Алекс от изумления чуть не телефон выронил. Хотелось спросить: «а им-то моя днюха каким боком упала?», но это было бы невежливо.

Впрочем, отец сразу же объяснил все сам.

– Мне не очень нравится, что мои сыновья чужие друг другу и я хотел бы это исправить, – сказал он виноватым голосом. – Лучше поздно, чем никогда. У меня же ближе вас с Саней никого нет...

Если бы сейчас перед Алексом приземлилась бы летающая тарелка, а из нее вышел бы живой Джон Леннон и спел «Как упоительны в России вечера», то он удивился бы меньше. Подумать только – какие сантименты на старости лет! Умереть – не встать! С чего бы это?

– Бать, а как у тебя со здоровьем? – осторожно спросил Алекс.

В кино разительные перемены в людях часто вызывала смертельная болезнь или какое-то иное предчувствие близкого конца.

– Со здоровьем все в полном порядке! – бодро ответил отец. – Сам не жалуясь и дамы мои тоже. У меня на душе как-то тоскливо, но об этом лучше поговорить при встрече. Короче завтра в половине седьмого будь готов и жди сигнала.

– Какого сигнала? – не понял Алекс.

– Автомобильного, какого же еще? – удивился отец. – Я за тобой машину пришлю. Пока!

Примерно полчаса потребовалось Алексу для того, чтобы осмыслить произошедшее. Посмотрев на ситуацию с разных сторон, он пришел к выводу, что прилив родственных чувств у отца-папаши вызвал какой-нибудь особо забористый коньячок. Он же сам сказал, что уже начал праздновать день рождения Алекса. Напендюрился в стельку и распустил сопли. А завтра с утра сам передумает или Светлана ему объяснит, что она не собирается отмечать «чей-то там» день рождения и ему не советует. Или Санек спросит: «батя, ты что – охренел?». Короче говоря, никаких посиделок в «Венеции» не будет, лучше не раскатывать губы, чтобы потом не было бы мучительно больно.

Отец не позвонил ни утром, ни днем. Явно забыл о сделанном спьяну приглашении. Однако уже в шесть часов вечера Алекс стоял перед зеркалом в

лучшем своем костюме и повязывал галстук, думая о том, как хорошо тому, у кого всего два костюма и один галстук – не приходится подолгу мучиться, выбирая, что надеть. Обещанной машины он не ждал, точнее – ждал, конечно, но внушал себе, что не ждет, а «расфуфырился» для того, чтобы в приличном виде отметить свой день рождения в баре «Три поросенка», где всегда можно встретить кого-то из знакомых. День рождения – не тот праздник, чтобы отмечать его в одиночку, сгодится любая дружелюбно настроенная компания.

В восемнадцать двадцать шесть со двора донеслись два длинных автомобильных гудка, а следом – три коротких. Выглянув в окно, Алекс увидел у подъезда серый автомобиль с желтым таксистским коробом на крыше. Пока он выжидал минутку – вдруг это кто-то из соседей вызвал машину? – сигнал повторился. Чокнутая бабка Семенцова со второго этажа сразу же высунулась в окно и стала костерить водителя на чем свет стоит. Ее визгливый голос был гораздо пронзительнее и громче автомобильного сигнала. Алекс поспешил спуститься.

– Поздравляю с днем рождения! – рявкнул водитель, едва Алекс открыл дверцу. – Вам подарок от нашей компании – бесплатный купон на следующую поездку!

«Очень кстати, – подумал Алекс, пряча глянцево-многоцветный купон во внутренний карман пиджака, – на такси до дому тратиться не придется».

В ресторане, кстати говоря – совершенно пустом, несмотря на пятничный вечер, Алекса встретила длинноногая улыбчивая красотка с бейджилом «ma?tre d'h?tel». Алекс не сразу сообразил, что девушка – метрдотель, а когда дотумкал удивился странным понтам, рассчитанным непонятно на кого. Французских туристов в Братске отродясь не бывало, как и других иностранцев, за исключением китайских «деловиков» и работяг из Северной Кореи.

– Добро пожаловать в «Венецию», уголок солнечной Италии в суровой тайге! – заученно выпалила красотка, сверкая крупными белыми зубами. – Вы у нас в первый раз? Могу я узнать ваше имя?

После того, как Алекс назвал свое имя, улыбка девушки стала раза в полтора шире.

– Вас ждут! – объявила она с такой торжественностью в голосе, словно приглашала Алекса на аудиенцию к президенту.

Алекс удивленно обвел глазами пустой зал, в котором его мог ждать только скучавший в углу официант.

– Прошу вас следовать за мной! – церемонно сказала девушка. – Я провожу вас в кабинет.

«Культура, однако, – оценил Алекс. – Не „отведу“, а „провожаю“».

Метрдотель пошла через зал размашистой мужской походкой, совершенно не сочетавшейся с ее гламурным обликом. Алекс топал за ней отчаянно смущаясь при мысли о том, что его ожидает знакомство с семьей отца и празднование дня рождения «в узком семейном кругу». От волнения вспотели ладони и противно засвербело под ложечкой.

Кабинет скорее заслуживал названия «малого зала». Овальный стол на двенадцать персон, диваны и кресла по стенам, большая хрустальная люстра, мозаичный паркет... Мать бы сказала: «Ну прямо Петродворец!». Она была в Ленинграде после окончания девятого класса. Впечатлений от поездки ей хватило на всю жизнь.

Вся эта невероятная роскошь действовала ошеломляюще, но хуже всего были воздушные шары, белые, розовые и золотые, которые висели под потолком, сплетались в колонны у стен и обрамляли арками окна. «Детский сад какой-то», недовольно поморщился Алекс, но сразу же натянул на лицо улыбку, потому что увидел идущего навстречу отца. Отец с семейством сидели на дальнем конце стола, и потому Алекс не сразу их разглядел.

Впервые в жизни отец-папаша обнял своего старшего сына, да так, что в буквальном смысле затрещали кости. Впервые в жизни «весь бушмакинский клан», как выразился отец, собрался за одним столом. Впервые в жизни старший и младший брат пожали друг другу руки... Впрочем, младший брат с самого начала обозначил свое отношение к происходящему – глядел высокомерно, кривил губы, а улучив подходящий момент, когда отец смотрел на Алекса, а Светлана – куда-то в сторону, показал старшему брату оттопыренный средний палец. Короче говоря, проявил родственные чувства по полной программе.

Светлана вела себя поприличнее – спросила, нравится ли Алексу его работа и, встречаясь с ним взглядами, всякий раз холодно-сдержанно улыбалась. Но это происходило нечасто, потому что Светлана преимущественно смотрела куда-то в сторону. Зато отец старался за троих – говорил без умолку, то и дело повторяя, как он рад тому, что весь бушмакинский клан... и так далее.

Первый тост, как и положено был за виновника торжества. Отец махнул разом полбокала коньяку, Алекс отпил глоточек из своего бокала, Светлана пригубила красное вино, а младший брат, вяло чокнувшись с именинником, не стал подносить свой бокал ко рту, а демонстративно поставил его на стол, причем – с громким стуком. Однако же за себя, любимого, за прекрасных дам в лице родной матери и за бушмакинский род, Санек пил с удовольствием, не отставая от отца-папаши. Видно было, что это дело у него в почете. Когда же отец вспомнил тех, кто не дожил до этого радостного дня и предложил тост, за тех, кого нет с нами, дипломатично не называя при этом имени первой жены, Санек снова не стал пить – приподнял бокал на вершок и поставил обратно на стол, правда на этот раз без стука. «Вот же скотина! – подумал Алекс. – Что тебе плохого моя мать сделала?»

Отец вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и достал из кармана пиджака подарок – черную бархатную коробочку, в которой опытный Алекс, еще не открыв, угадал перстень и даже определил вслепую его вес – не меньше десяти грамм. Немного ошибся, в золотой «гайке» с затейливо выгравированными инициалами «АБ» оказались все пятнадцать, причем – семьсот пятидесятой пробы.

– Нравится?! – требовательным тоном спросил отец. – У меня тоже такой, вот, погляди.

Он сунул Алексу под нос кулак с тремя перстнями, на крайнем из которых красовался вензель «НБ».

– И Сане такой же подарю на день рождения, – пообещал отец, хлопая младшего сына по плечу. – Уже приготовил...

– Ну ты же знаешь, что я не могу носить кольца, – скривился Санек. – Я же врач, мне по работе приходится часто мыть руки. Это ж какая морока – то и дело снимать-надевать. Я его забуду где-нибудь в первый же день.

– А ты за щеку прячь, как мартышка, тогда точно не забудешь! – посоветовал отец.

Санек страдальчески закатил глаза. Светлана едва заметно нахмурилась. Отец всего этого не заметил. Снова хлопнув Санька по плечу, он сказал, глядя на Алекса, который уже надел перстень на средний палец правой руки:

– Первый врач в нашем роду, а?

– И второй с высшим образованием, – вставила Светлана.

Алекс не понял, были эти слова колкостью, направленной в его адрес, или же Светлана просто решила поддержать беседу и ляпнула первое, что пришло в голову. Машинально он оценил стоимость «бирюлек», которые Светлана надела к элегантному синему платью, красиво облегавшем ее неплохо сохранившуюся фигуру. «Бирюлек» на Светлане было что игрушек на новогодней елке – серьги-висюльки, кольцо, браслеты на правом запястье, золотые часы на левом, два перстня и три кольца на пальцах. Большею частью платина с бриллиантами, за исключением часов и массивного золотого кольца на безымянном пальце правой руки. По самым скромным прикидкам «бирюльки» тянули на одиннадцать тонн «зелени». Неплохо, однако.

– Второй, но явно не последний, – подхватил отец, подмигивая Алексу. – Тебе, Алеша, тоже надо подумать об образовании. Человек без диплома, все равно, что ноль без палочки...

«Надо же, как шатает папашу! – мысленно усмехнулся Алекс. – Раньше ремесло было важнее „корочек“, а сейчас – наоборот. И „Алешей“ вдруг назвал, а то все „Леха“ да „Леха“».

– Образование – это же не просто набор фактов, вложенный в голову, – продолжал отец. – Образование – это широкий кругозор, это вышка, с которой ты видишь дальше, чем другие. Так что, соображай, сынок, где ты хочешь стоять – на вышке или внизу...

Физиономия Санька приняла самодовольное выражение – я, мол, давно на этой вышке стою. Алекс вдруг подумал, что в истории Каина и Авеля нет ничего удивительного. Убивать Санька ему не хотелось, но пару хороших зуботычин

брательник определенно заслужил. И это – только за первый час знакомства!

– Саша у нас очень одаренный, – сказала Светлана, с любовью глядя на сына. – В школу пошел в шесть лет, из третьего класса перешел прямо в пятый, с первой попытки поступил в институт, а потом его с великой радостью взяли в ординатуру. Сам профессор Бараховский за него ходатайствовал.

«Небось, получил от отца кучу бабла, вот и старался», подумал Алекс. По поводу одаренности младшего брата у него имелись веские сомнения. По-настоящему одаренные дети – личности известные. Они побеждают на разных там олимпиадах, про них пишут в газетах и ни один одаренный умом человек, не позволит себе среди бела дня на глазах у людей купаться нагишом в городском фонтане. И вообще, с первого взгляда становится ясно, что Санек только одним одарен – отцовскими деньгами.

– Я, сыны мои, грандиозное дело задумал, – начал отец, когда невеселое празднество дошло до «трехэтажного» именинного торта. – То, что у меня сейчас – это мелочь по сравнению с тем, что у меня будет! Заправки – дело прибыльное, но бесперспективное. На них подняться может только тот, кто сидит на нефти. А я хочу всю деревообрабатывающую промышленность под себя подмять! И не просто хочу, а имею возможность! Реальную возможность, вы же знаете, что я слов на ветер не бросаю. Через каких-нибудь пять лет, я стану императором тайги!

– Султаном Восточной Сибири! – усмехнулась Светлана.

– А если получится, то и Западной тоже, – нахмурился отец, давая понять, что шутить на эту тему не следует. – И такое дело мне в одиночку не поднять. Нужны верные-надежные люди, на которых я могу всецело положиться. А кто же может быть надежнее вас?

Алекс не вел подсчета, но округленно-приближенно отец принял на грудь не менее семисот грамм коньячковского. Даже для такого стойкого бойца, как он, и с учетом обильной закуски, это все же весьма приличная доза, под которую деловые разговоры вести нельзя. Дела делаются на трезвую голову. Поэтому Алекс слушал отцовские объяснения вполуха. Наворачивал торт (он вообще любил все сладкое, а уж бисквитно-кремовое в особенности) и согласно кивал, не вникая в детали. Какой смысл понапрасну голову забивать? Вот если отец-

папаша пригласит в свой офис и сделает деловое предложение, тогда и вникнем. Но в целом было приятно сознавать, насколько вдруг выросли его акции. Еще позавчера он был для отца практически никем, а теперь его день рождения празднуется в семейном кругу (пусть и не все этим довольны), отец делится с ним планами и называет «верным-надежным». Перстень, подаренный отцом – жуткая пошлятина в стиле «родные-девяностые», нынче такая топорная работа не в чести, но дело не в стиле, а в том, что ему вручили фамильный знак, символ признания родственных отношений. И пусть брательник не кривит физиономию, Алексу его мнение до фиолетовой лампочки (еще одно выражение из материнского лексикона). Все решает отец, а Санек, как младший сын, в бушмакинском клане с конца первый.

Алекс собирался возвращаться домой на такси, но отец сказал:

– Мы тебя подбросим, не парься.

На выходе Алекса окликнула улыбчивая красотка-метрдотель.

– Мы будем рады видеть вас в числе наших постоянных клиентов, – прощепетала она, протягивая Алексу длинный конверт с логотипом ресторана. – Позвольте вручить вам карту постоянного гостя. Десятипроцентная скидка, льготное бронирование и еще целый ряд преимуществ.

Пряча конверт во внутренний карман пиджака, Алекс подумал о том, какой фурор произведет карта постоянного гостя ресторана «Венеция» в ювелирной мастерской. Да и перстень тоже произведет. Если сразу сказать, что это отцовский подарок, то никто критиковать не осмелится, станут наперебой восхищаться изяществом работы и уважительно хмыкать по поводу веса «гайки».

Алекс думал, что машину поведет Светлана или же крепко выпивший отец вызовет такси. Выйдя на улицу, он не поверил своим глазам, увидев отца на водительском месте. Даже остановился от удивления, а Санек, только что севший на заднее сиденье, громко-показушно захлопнул дверь. Отец приглашающе махнул рукой и запустил двигатель. Яркая ослепительная вспышка... Чья-то невидимая и очень сильная рука швырнула Алекса назад, во тьму...

Глава вторая. Новая жизнь

После смерти матери, Алекс около полутора месяцев ходил сам не свой. Все делал автоматически, мысли были заняты мамой и тем, что ее уже нет. Депрессняк давил нешуточный, началась новая, другая жизнь, жизнь без мамы, в которой Алекс был совершенно один.

Смерть отца воспринималась совсем иначе. Да, было жаль всех, даже вредного Санька и то немного, но просто жаль, не более того. Ощущения невосполнимой утраты или, хотя бы, большой потери, не было и в помине. Печальная новость не ввергла в грусть-тоску, а побудила к размышлениям. «Значит, теперь все мое? – лихорадочно соображал только что пришедший в себя Алекс. – Впрочем, не факт. Вдруг отец, по примеру многих бизнесменов, „ходящих по краю“, записывал все имущество на Светлану? А она же не то из Усть-Илимска, не то из Усть-Кута... Там у нее может быть родня, возможно, что и близкая, к которой уплывет по праву наследования все отцовское имущество... А вот от Александра Николаевича Бушмакина, родного сына Светланы, ничего не уплывет... И разве я не хотел когда-то быть врачом?... Стремно? Есть такое дело. Но момент упускать нельзя... А перелом носа весьма кстати... Решено – назовусь Саньком».

Немного позже Алекс узнал, что взрывом ему опалило волосы и потому в больнице голову обрили наголо. Очень кстати. Волосы пока что можно совсем не отращивать, а продолжать брить голову наголо. Это стильно и вообще на руку, чтобы не спрашивали, куда делся примечательный вихор.

Единственным слабым звеном была девушка-метрдотель, которая могла сообщить, что последним из ресторана вышел Алексей Бушмакин, которому она вручила карту постоянного гостя. И эту карту могли найти в кармане пиджака, если он, конечно, не превратился от взрыва в лохмотья... Но Алекс решил эту проблему легко. Санек, явно по настоянию отца, явился в ресторан в костюме и при галстукe, только костюм у него был не темно-синий, как у Алекса, а сине-серый. Спасибо тебе, брат, за удачный выбор костюма, который в полумраке ресторанного зала можно принять за темно синий. Ну а галстуки разные – это фигня, такими пустяками никто заморачиваться не будет.

– Меня метрдотель на выходе окликнула, – сказал Алекс двум оперативникам, которые явились к нему на следующий после пробуждения день. – Спутала с

братом и вручила карту постоянного гостя. Мы с Алексеем похожи очень... То есть – были похожи... Если бы не эта карта, я бы тоже... С ними...

Чтобы оперы не расспрашивали его долго, Алекс подбавил в голос как можно больше горя и страдания. Но вопросов было немного. Помните ли, что случилось? Подозреваете ли кого-нибудь? Ладили ли друг с другом родители? Не заключал ли отец в последнее время каких-то сделок? Родному сыну, живущему вместе с родителями, положено хотя бы немного быть в курсе отцовских дел, поэтому Алекс сказал, что отец собирался купить какое-то деревообрабатывающее предприятие, но подробности ему неизвестны. Про отношения в семье сказал, что в целом родители жили спокойно, но иногда мать устраивала скандалы по поводу отцовских измен. Весь Братск знал, насколько Савелий был охоч до женского пола, поэтому оперы полностью удовлетворились таким ответом.

Несколько раз приходили приятели и подружки Санька из числа местных мажориков. С ними Алекс «включал дурака» – никого не узнавал, ничего не помнил, на вопросы отвечал предельно кратко и слабеньким голоском, а после четвертого визита попросил никого из посетителей к нему не пускать – утомляют сильно.

Больничным персоналом относился к Алексу как к своему, тем более, что Санек, после окончания ординатуры в Иркутске устроился на работу сюда же, в первую городскую больницу, во второе терапевтическое отделение. Как-то раз Алекса навестила заведующая отделением, круглолицая добродушная тетка. Поохала-поахала и заверила, что лично поможет пострадавшему сотруднику восстановиться после «такой ужасной контузии». Но тут же оговорилась – «если вы реально намерены работать». Алекс понял, что Санек особого усердия в работе не проявлял, небось и появлялся в больнице пару раз в неделю, если не реже. Заведующую он поблагодарил и пообещал работать добросовестно. Ее помощь пришлась бы Алексу очень кстати – надо же входить в курс медицинских дел, если уж стал врачом.

Из фильмов Алекс знал о том, что молодые врачи, приступившие к работе по завершении обучения, толком ничего не умеют делать. В процессе работы они постепенно постигают врачебную премудрость и постепенно, за два-три года, становятся полноценными специалистами. А какой-то особо циничный интерн (или ординатор?) называл обучение в вузе «отбыванием дипломной повинности». Так что Алексу сильно повезло – он очень вовремя превратился в своего

младшего брата. И то, что покойный брат был раздолбаем, тоже играло Алексу на руку – никто не станет удивляться скудному количеству профессиональных знаний. Чего еще можно ожидать от избалованного мажора?

Опять же – в вузах будущие врачи изучают все специальности подряд, а работать им приходится по какой-то одной. Все прочее можно считать ненужным балластом, пустой тратой времени. Если реаниматологам нужно прояснить какой-то неврологический или эндокринологический вопрос, они не вспоминают то, что когда-то учили, а тупо приглашают врача нужной специальности на консультацию. Алекс видел такое не раз, пока лежал в реанимации, где нет палат, а есть один большой зал и все происходит на виду у всех. То есть, на самом деле свежее испеченному кардиологу Александру Бушмакину нужно изучить как следует учебник по кардиологии, ну и учебник по внутренним болезням, наверное, тоже, чтобы уметь отличать инфаркт от воспаления легких. И этого будет вполне достаточно, он же не оперировать собирается, а таблетками лечить. Медицинские учебники не такие уж и толстые, Александр видел некоторые в ординаторской, куда его приглашали пить чай дежурные врачи. Нормуль-мормуль, как выражалась мама. Задача сложная, но вполне решаемая. Не боги горшки обжигают, и вообще если уж Санек собирался работать врачом, то у Алекса это тоже получится. Он в медицинском не учился и ординатуру не проходил, но будет гораздо серьезнее и ответственнее своего брата. Своего покойного брата.

В больнице пришлось пролежать три недели – шесть дней в реанимации и остальное время в двухместной палате неврологического отделения. Место в «блатной» палате досталось Алексу как врачу, в знак корпоративной солидарности. И кормили его не из общего котла, а из «малого», в котором готовили для больничной администрации и дежурных врачей. Не «Венеция», конечно, там все было за пределами вкусно, а здесь просто достойно-съедобно. Алекса отпустили бы домой и раньше, но врачей беспокоили «провалы», которых на самом деле не было, но об этом никто, кроме Алекса, не знал. Сам Алекс домой не торопился, потому что каждый проведенный в больнице день обогащал его новыми полезными знаниями. Что-то подсмотришь, что-то врачи расскажут, что-то медсестры... С одной из медсестер, стройной брюнеткой по имени Юля, у Алекса даже случился «военно-полевой» роман, полезный и ни к чему не обязывающий, поскольку Юля была замужем и никаких видов на Алекса, кроме совместного приятного времяпрепровождения, не имела. Юле Алекс по секрету поведал, что в универе их очень плохо учили практическим навыкам, все больше на словах, а не на деле. И теперь юный доктор Бушмакин сильно беспокоится по поводу своей будущей работы, поскольку не умеет делать уколы,

ставить клизму, промывать желудок и все такое прочее, что положено уметь врачу. Засмеют коллеги и медсестры, погубят репутацию в самом начале.

- Ну это пустяки! - махнула рукой Юля.

Закончив вечернюю раздачу таблеток, она завела Сашу в процедурный кабинет, наскоро отлюбила, а затем начала «учить пулемету». Показала, какой «шланг» куда вставляться, что именно смазывать гелем или вазелином в каждом случае и куда лить воду. Строго предупредила, что во время промывания желудка после того, как установишь зонд и наденешь на него воронку, нужно обязательно поднести эту воронку к уху и послушать - не доносится ли из нее дыхательных шумов. А то вдруг ненароком зонд в трахею попал, тогда утопишь пациента промыванием. При постановке клизмы женщинам есть другая опасность - вставить наконечник во влагалище вместо прямой кишки. У персонала такая ошибка вызывает дикую ржаку, а пациентки пишут жалобы. Что же касается уколов, то Юля сначала обстоятельно проговорила все три методики - подкожную, внутривенную и внутримышечную, а затем дала Алексу белый халат и отвела в палаты к лежащим пациентам, которым были назначены инъекции (те, кто мог ходить, приходили за своими уколами в процедурный кабинет). Подкожная и внутримышечная инъекции получились у Алекса с первого раза - дело совсем нехитрое, а вот с внутривенными пришлось немного повозиться, но на шестой раз Юля сказала:

- Годно! Можешь процедурным медбратом оформляться!

Заодно добрая девушка научила Алекса определять группу крови. Он-то думал, что этим занимается лаборатория, но оказалось, что врачи должны делать это перед каждым переливанием. Квест с тарелочками-луночками оказался довольно сложным, но Алекс с ним справился после того, как прочел про агглютинины и агглютиногены.[1 - Белковые вещества, определяющие групповую принадлежность крови.] Если вникнешь в суть, то запоминается легко.

Из разговоров с дежурными врачами Алекс узнал, что любой уважающий себя врач должен уметь ставить подключичный катетер и устанавливать дыхательную трубку в трахею. Юля сказала, что это сугубо врачебные манипуляции, до которых средний медперсонал никогда не допускается и посоветовала набивать руку в морге на трупах. Иметь дело с трупами Алексу не сильно не хотелось. Не то, чтобы было страшно, а просто не вдохновляла мысль

о посещении морга и контакте с тамошней клиентурой. Он поинтересовался, нельзя ли поучиться на живых, но Юля ответила, что с этим к живым надо подступаться только после того, как набьешь руку на покойниках. Однако, тут же вспомнила, что вставлять трубку в трахею можно на муляже-тренажере, который хранится в кабинете заведующего реанимационным отделением и используется для занятий с врачами. Заведующий охотно пошел навстречу своему коллеге и недавнему пациенту. Устроил индивидуальное занятие (хватало одного) и похвалил Алекса за то, что он «взялся за ум». Понимать эту похвалу нужно было следующим образом – теперь тебе, парень, нужно надеяться только на себя, так что действуй-развивайся. Метод установки подключичного катетера Алекс выучил наизусть, несколько раз представил в воображении, как он это делает и решил, что пока с него этого хватит.

В день перевода из реанимационного отделения в неврологическое к Алексу пришел сутулый невзрачный дядечка, по виду – бухгалтер или страховой агент, который назвался Гелием Назаровичем и сообщил, что он по доверенности «осуществляет текущее управление активами покойного Николая Савельевича». Алекс поинтересовался размером активов.

– Ну, это о-о-очень сложный вопрос, на который так сразу и не получится ответить – заюлил Гелий Назарович. – Взять, к примеру, торговый центр, который стоит столько-то и приносит столько-то арендных платежей. Но если принять в расчет все долги, которые висят на нем, а также непогашенные кредиты, то ситуация получается аховая – стоимость уходит в минус. С заправками тоже не все гладко, особенно с учетом того, что поставки топлива осуществлялись на основе личных связей вашего покойного батюшки с руководством Ангарского НПЗ.[2 - НПЗ – нефтеперерабатывающий завод.] Нет человека – нет и связей, а если брать топливо по обычной цене, то заправки станут работать в минус...

В Гелии Назаровиче с первого взгляда угадывался жучила-аферист. Алекс чувствовал, что Гелий Назарович снимет много пенок с отцовского бизнеса, но ничего с этим поделаться не мог. В отцовских делах он не разбирался совершенно и никаких рычагов влияния на Гелия Назаровича не имел. Хорошо было бы взять этого сморчка за горло, двинуть башкой о стену, сунуть под нос заряженный ствол и рявкнуть: «Не пудри мне мозги, сука, а то я сейчас твои вышибу!». Но, к сожалению, Алекс так не умел и не имел ни ствола, ни репутации, которая делает угрозы убедительными. Осталось утешаться мыслью о том, что всего Гелий Назарович украсть не сможет, что-нибудь да останется законному

наследнику.

Какой-то толк от Гелия Назаровича все же был. Он спросил, не доверит ли ему Александр Николаевич организацию похорон, на что Алекс ответил, что конечно же доверит и попросил, чтобы похороны были бы скромными, без излишеств и лишней публики. Не хотелось выбрасывать деньги на ветер и вообще не хотелось толп на собственных, как-никак, похоронах. Гелий Назарович заверил, что все будет скромно, но достойно. На том и порешили.

Домработница, у которой были ключи от двухуровневой отцовской квартиры, тоже хорошо погрела руки. На второй день пребывания в квартире, Алекс устроил великий шмон – изучил содержимое всех шкафов, ящиков, шкатулок и двух сейфов, для вскрытия которых пришлось приглашать специалистов, поскольку ключей от них найти не удалось. Нигде, в том числе и в сейфах, не было ни копейки денег, вот даже парочки сторублевок, и нигде не было никакой «ювелирки». Ладно, пускай отец и брат этим особо не увлекались и все, что имели, носили на себе. Но в то, что Светлана не имела ничего из украшений, кроме того, что было надето на ней в то злополучный вечер, совсем не верилось. А еще в ее гардеробе, размером с хорошую комнату, не висело ни одной шубы, а уж их-то у любой уважающей себя местной светской дамы было не менее двух – короткая и длинная. Домработница божилась, что она никогда не брала ничего чужого и никак не хотела отступить от этого. Хорошо еще, что банковские карты остались целы, с ними ушлая баба связываться не рискнула. В ящике письменного стола Санька Алекс нашел три карты разных банков – две золотые и одну платиновую. Спустился к банкомату, который стоял в подъезде на первом этаже и опробовал все три, набирая в качестве пин-кода 1986 (год рождения брата). Сработало. На платиновой карте лежало пятьсот восемьдесят тысяч, а на золотых – чуть больше сотни тысяч на каждой. Алексей Бушмакин мог прожить на эти деньги как минимум полтора года, не отказывая себе ни в чем в рамках своих скромных запросов. От использования своей старой банковской карточки с тридцатью тысячами кровных сбережений, Алекс благоразумно отказался. Нет уж, все нужно делать по закону. Вот через полгода он вступит в право наследования и тогда воспользуется этими деньгами, полученными от самого себя. Прикольнo, однако.

Планов в голове роилось великое множество, один грандиознее другого, но Алекс пока что благоразумно старался жить сегодняшним днем. Пройдет полгода, за это время он подыщет толкового и надежного управляющего на место прохиндеистого Гелия Назаровича, затем станет официальным

владельцем отцовского бизнеса, а там уже решит, что ему делать. Опять же – в медицине поднатореть нужно хорошенько и вообще недаром же говорят, что загад не бывает богат. Поживем-увидим.

Жизнь показала Алексу, что он был прав, когда не строил далеко идущих планов. Спустя несколько дней после похорон, неожиданно оказавшихся очень тяжелыми – тяжело было слушать хорошие слова о себе от коллег-ювелиров, тяжело было смотреть на табличку «Бушмакин Алексей Николаевич 1985–2010» – к Алексу домой явились два типа, похожие друг на друга, как двое из ларца, одинаковых с лица. Короткие стрижки, колючие взгляды, легкая небритость на квадратных подбородках, широкие плечи, тяжелые кулаки. Криво ухмыляясь и через слово переглядываясь друг с другом, типы сообщили Алексу, что его отец «перешел дорогу хорошим людям», за что и был наказан, и что ему самому в следующий раз может не повезти. А для того, чтобы следующего раза не было, Алекс после вступления в права наследования должен продать «хорошим людям» торговый центр и заправки за ту цену, которую ему предложат. Пока же вместо Гелия Назаровича должен быть назначен новый управляющий, которому доверяют «хорошие люди». «Следующего раза» Алексу ужасно не хотелось, пришлось согласиться.

Другой удар, еще более неожиданный, Алексу нанесли в больнице на третьем месяце его работы в отделении. Он старался как мог, до глубокой ночи сидел над учебниками, впитывал, словно губка, все, что говорили по работе коллеги, тщательно взвешивал каждый свой шаг и каждое слово, сказанное на профессиональные темы, но при всем том, что называется «не тянул». Не тянул даже с учетом того, что вел всего две четырехместные палаты, то есть – работал с половинной нагрузкой. Коллеги, вкалывавшие на полторы ставки с вечной перегрузкой, против этого вроде бы не возражали – жалели контуженного сироту. Алекс надеялся, что за год он сможет подняться до нужного уровня. Подниматься было трудно. Одним или двумя учебниками профессиональные знания не исчерпывались и жизнь практически еженедельно подкидывала Алексу какой-нибудь неприятный сюрприз, несмотря на помощь заведующей отделением, которая проводила вместе с ним первичный осмотр пациентов, сама назначала им лечение и затем «держала руку на пульсе» делая обходы в палатах доктора Бушмакина чаще, чем в палатах других врачей, где она появлялась всего раз в неделю. Но, тем не менее, то Алекс «прослушивал» начинающуюся пневмонию, то не обращал внимания на первые симптомы сердечной недостаточности, то наоборот – пытался перевести в реанимационное отделение абсолютно стабильного пациента. Незадолго до Нового года заведующая отделением пригласила его в свой кабинет, заперла дверь, чтобы

никто не помешал бы их разговору, села за стол, по-деревенски подперла щеку пухлой ладонью и сказала грустно-прегрустно:

– Александр Николаевич, вы совершенно не справляетесь с работой...

Алекс привычно вздохнул и поник головой. Ритуал был привычным и хорошо отрепетированным.

– Я стараюсь держать все под контролем, – продолжала заведующая, – но я же не могу стать вашей тенью. Рано или поздно я не исправлю за вами что-нибудь, и вы наживете крупные неприятности. Шутки закончились, вы теперь взрослый человек и врач, с правом самостоятельной работы, который несет ответственность за все свои действия.

– Я стараюсь, Катерина Викентьевна, – Алекс посмотрел в глаза заведующей. – Мне очень нравится моя работа и я хочу научиться делать ее хорошо.

Работать врачом ему действительно нравилось. Работа интересная, отношение к тебе другое и вообще утром идешь на работу с приподнятым настроением...

– Я вижу, что вы стараетесь, Александр Николаевич. Вы сильно изменились после того, что с вами произошло, изменились в лучшую сторону. Не буду скрывать, что в первое время вы показались мне пустым и несерьезным, а теперь я вижу, что вы не такой. И с коллективом вы стали ладить, медсестры от вас вообще без ума, я даже ревную немножко. Чем вы их так обольстили?

– Да вроде как ничем, – пожал плечами Алекс. – Не знаю.

На самом деле знал, только говорить не хотел. Он часто советовался с медсестрами, распределяя таким образом «консультационную нагрузку» – что-то у врачей спросит, а что-то у медсестер. Так лучше, не так сильно мозолит глаза людям твоя тупость. Медсестрам это нравилось. А еще Алекс никогда не повышал голоса и со всеми всегда разговаривал вежливо, что тоже очень нравится людям. Взять, хотя бы, Катерину Викентьевну. Сейчас она добрую тетушку изображает, а бывает так рявкнет, что кровь в жилах стынет и крепким словом может припечатать по-чалдонски.[3 - Чалдон – название представителей коренного русского населения Сибири, потомков переселенцев из Европейской России XVI–XVII веков.] А это обидно и вообще не идет на пользу делу.

– Может, все дело в травме? – предположила заведующая. – Тогда вам нужно оформлять инвалидность. Хотите, я поговорю с кем следует? Вы же, наверное, не представляете, что нужно делать.

– Нет, не в травме, – ответил Алекс, которому совершенно не улыбалось получить инвалидность в молодом возрасте, да еще и «по голове». – Это я дурака валял во время учебы, за что сейчас и расплачиваюсь. Но я же делаю успехи, верно же, Катерина Викентьевна?

– Делаете, – согласилась заведующая, – но недостаточно. Слишком уж много вам нужно наверстывать. Вы поймите меня правильно, Александр Николаевич. Я ничего против вас не имею, я просто не могу объяснять всем и каждому, почему я держу на работе врача, который не справляется со своей работой. А еще я переживаю за ваших пациентов... И за вас тоже...

Катерина Викентьевна снова проговорила то, что уже было сказано, только несколькими иными словами. Алекс понимал, чего от него ждет заведующая и еще понимал, что она хочет, чтобы он сказал об этом первым, так ей удобнее.

– Раз так, то давайте я уволюсь, чтобы всем было бы хорошо, – сказал он, беря лист бумаги из стопочки, которая всегда лежала на углу стола заведующей. С какого числа писать заявление?

– Пишите с завтрашнего, – ответила заведующая. – Чего тянуть? И учтите, что если кто-то будет интересоваться, то я, так уж и быть, дам вам хорошую характеристику. У вас еще все впереди, я не хочу ломать вашу профессиональную жизнь в самом начале...

«...но и помогать тебе не хочу, надоело», мысленно добавил Алекс. Ему было ясно, что в Братске больше нечего делать. Врачом его никуда не возьмут с такой-то репутацией. Про хорошую характеристику Катерина Викентьевна добавила только для того, чтобы подсластить горькую пилюлю. Ей никто и звонить не будет по поводу доктора Бушмакина. Весь местный медицинский мирок давно уже знает, что это за фрукт-ананас (еще одно любимое выражение матери).

Глава третья. Не сразу все устроилось, Москва не сразу строилась

За отцовский бизнес, включая коттедж на берегу Байкала, который был оформлен не в личную собственность, а как турбаза, принадлежащая ЗАО «Савва плюс», Алексу заплатили смехотворно мало. Да что там – смехотворно! Унизительно мало – миллион двести пятьдесят тысяч рублей. Но это если посмотреть с формальной стороны. А, с другой стороны, Алекс получил невероятно много, ведь в качестве бонуса к деньгам прилагалась его бесценная и единственная жизнь, так что жалеть было не о чем. Алекс и не жалел, его волновало другое – перспективы доктора Бушмакина.

Сидя без работы, Алекс, как и положено организованному человеку, времени даром не терял. Почитывал умные медицинские книги и запоем смотрел медицинские сериалы, как наши, так и зарубежные, только не ситкомы какие-нибудь, а те, что посерьезнее. Сериалы, большей частью безграмотные с медицинской точки зрения (это даже Алексу нередко было ясно), давали полезные сведения об устройстве медицинской жизни – как проходят консилиумы, как нужно общаться с родственниками пациентов, как ведется диагностический поиск и так далее. За доктором Хаусом Алекс даже кое-что записывал в тетрадку. Попутно научился с грехом пополам читать кардиограммы. Во втором терапевтическом отделении его неспособность распознавать острые инфаркты миокарда вызывала недоумение – и это врач, прошедший ординатуру по кардиологии? Сначала Алекс попробовал было вникнуть в эту мудреную премудрость, но сразу же запутался в потенциалах и векторах и понял, что начинать нужно со школьного курса физики, которую он начисто забыл. Тогда решил сделать ставку на зрительную память. Перечертил самое основное на листочки, и развесил эти листочки в туалете. Через неделю спокойно отличал острый инфаркт нижней стенки левого желудочка от блокады правой ножки пучка Гиса (а что там за пучок такой знать не обязательно, тем более, что это заболевание лечению не подлежит).

Саньковская субара и Светланина тойота оказались «кредитными», причем оба кредита были погашены лишь частично, процентов на пятнадцать-двадцать, так что тачки забрал банк, выплатив Алексу какие-то невеликие суммы. Алекс удивился тому, что богатый отец покупал машины в кредит, но еще больше его удивило отсутствие крупных сумм на личных банковских счетах отца. На момент принятия наследства там, в общей сумме, лежало меньше миллиона. У Светланы денег тоже было не густо – каких-то триста тысяч (к слову будь сказано, что никакая ее родня к моменту вступления Алекса в права наследования не

объявилась, так что делиться ни с кем не пришлось). Таким образом, самым богатым «спонсором» Алекса оказался Санек. Алекс заподозрил, что настоящие средства Савелия спрятаны на каких-то потаенных счетах или, может, вложены в драгоценности, хранящиеся в банковских ячейках. Прекрасно понимая, что самостоятельно он этот вопрос прояснить не сможет, Алекс обратился к Гелию Назаровичу, который после отстранения его от управления отцовским бизнесом открыл консалтинговую контору на улице Рябикова.

– Я знаю, что у отца где-то спрятаны крупные суммы, – сказал он, пристально глядя в бесцветные рыбы глаза Гелия Назаровича (все было отрепетировано заранее – и что говорить, и как говорить, и как при этом смотреть на собеседника). – И я их найду, обязательно. Я понимаю, что никто не осведомлен об отцовских делах лучше вас и потому предлагаю вам сорок процентов от того, что я получу. Чистых сорок процентов – налом в руки.

Вообще-то Алекс был готов разделить отцовские деньги пополам, но нужно было оставить «люфт» для торга.

– Я понимаю, что вы можете захотеть забрать себе все, – продолжал Алекс. – Но это рано или поздно выяснится, потому что я настроен очень серьезно. И тогда у вас будут проблемы. Мне кажется, что сорок процентов без проблем лучше, чем сто с проблемами.

– Ну просто вылитый Савелий! – усмехнулся Гелий Назарович. – Тот, царствие ему небесное, тоже умел на пушку брать. Только вот в чем загвоздка – делить нам нечего. Отец ваш, Александр Николаевич, перед своей трагической гибелью все свои карманы вывернул, да еще и на стороне назанимал, потому что его проект, будь он трижды неладен, требовал огромных вложений, причем большей частью «черных». Была надежда на то, что все расходы удастся быстро отбить и заткнуть дыры до того, как из них потечет. А если вы меня в чем-то подозреваете, то сначала поглядите вокруг, – Гелий Назарович обвел рукой свой кабинетик, – и скажите, стал бы я, имея крупные средства, сидеть в этой задрипанной конторе и учить разных кретинов тонкостям бизнеса? Я ведь и сам от этой затеи пострадал нешуточно. Поверил боссу и крупно вложил в его проект. Савелий умел убеждать. Говорил: «я буду императором тайги, а ты – ее премьер-министром».

Алекс так и не понял – соврал ему Гелий Назарович или нет, но предпочел сделать вид, что поверил. А то, чего доброго, старикан забеспокоится и решит

подстраховаться от неприятностей. Помирать Алексу не хотелось...

Первого июля 2011 года Александр Николаевич Бушмакин стал москвичом, зарегистрированным по адресу Зеленый проспект, дом 78, квартира 20. До метро десять минут неспешным шагом, окна выходят в зеленый двор, дом новый, этаж пятый – «золотая середина», в квартире – свежий ремонт. И все это за вполне вменяемую цену, к которой бонусом прилагалась пикантная история. Квартиру в подарок молодоженам купили и отремонтировали родители невесты. После свадьбы молодожены провели здесь ночь, а затем отправились в романтическое свадебное путешествие по Италии, где молодая жена застучала своего драгоценного муженька с горничной. Скандал, развод, девичья фамилия. Жить в подаренной родителями квартире дочь наотрез отказалась, поскольку посчитала ее «проклятой» – переспали молодожены там разок и вся семейная жизнь пошла под откос. А тут на горизонте нарисовался провинциал с «живыми» деньгами, которому была нужна именно такая квартира. Разумеется, Алексу больше хотелось поселиться где-нибудь в центре, например – на Арбате или на Тверской, но приходилось выбирать одежду по своей мерке, то есть квартирку по своим средствам. Новогиреево оказалось оптимальным вариантом – и не очень-то далеко от центра, на метро за четверть часа можно доехать до Таганки, и район ничего, и цены на жилплощадь не особо кусачие, и заводов дымящих под боком нет.

Новоселье Алекс праздновал в одиночестве, в своем новом жилище. Прежние владельцы оставили Алексу «проклятую» кровать, на которой молодожены провели первую брачную ночь, и кухонную мебель, которая была сделана по индивидуальному заказу именно для этого пространства, а при демонтаже превратилась бы в никому не нужный ворох дров. Алекс купил в магазине по соседству уютное кресло и решил, что на первое время с него мебели хватит, работать можно и на кухне, благо стол там огромный.

Меню праздничного ужина было скромным – пицца, эклеры, красное сухое вино. Для пущей романтики Алекс зажег ароматическую свечу... Скучно не было, потому что он привык к одиночеству давно, еще после смерти матери. Было страшно. Один, в незнакомом городе, да еще в каком... Это же Москва, которая бьет с носка и не верит слезам. Однако же, имелись в его нынешнем положении и преимущества. В Москве никто не знал ни Александра Николаевича Бушмакина, ни обстоятельств его жизни. Можно было писать жизнь с чистого листа, чем, собственно, Алекс и занимался с сентября прошлого года, и не опасаться неожиданных встреч со старыми знакомыми. В Братске эти встречи

конкретно задолбали. То приходилось «узнавать» незнакомых, то одергивать себя, чтобы не узнавать знакомых. От всей этой «дипломатии» голова шла кругом.

За время, прошедшее после увольнения из больницы, у Алекса составилась четкий план действий. Со стационарами пока надо завязать. Там ты у всех на виду и каждый твой промах сразу же становится общеизвестным, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пока будешь набираться ума-разума, испортишь репутацию. К тому же работа сложная, пациента никуда не сплывешь, пока он не пойдет на поправку. Плавали – знаем.

Вначале Алекс склонялся к работе на участке. Не сахар работенка у участкового терапевта, конечно – бегать по вызовам на своих двоих в любую погоду. Но зато на дому тебя никто из коллег и сестер не видит, а на приеме видит только одна медсестра и больше никто. К тому же, в амбулаторных картах содержится подробнейшая информация о пациентах. Читай – и действуй. А как опыта наберешься и окончательно «породнишься» с медициной, то можно и в стационар вернуться. В какой-нибудь хороший, на хлебное место.

Но однажды, во время своего блуждания по сетевым просторам, Алекс зацепился глазами за форум работников скорой помощи и открылась ему истина, во всей ее красе. Он раньше думал, что работа на «скорой» – самая трудная в умственном смысле. Нужны знания из различных отраслей медицины, причем – твердые, такие, чтобы их можно было бы применять незамедлительно, не пытаясь что-то вспомнить или сообразить. А на самом деле все оказалось гораздо проще, настолько проще, что на «скорой» в будущем собираются оставить одних лишь фельдшеров. Но то – в будущем, а пока там и врачи работают. Есть утвержденные наверху алгоритмы, называемые «клиническими протоколами оказания скорой медицинской помощи». Согласно им проводится все лечение в экстренных случаях. О существовании клинических протоколов Алекс знал – в первой больнице ему рассказали, что это такое. Но он как-то не думал, что все разнообразие скоропомощной работы тоже укладывается в узкие рамки протоколов. Ему казалось, что на «скорой» все по-другому. Ан нет – то же самое, причем в небольшом объеме. В таком-то случае делаешь то, в таком-то – это, при таких показаниях нужно госпитализировать... Алекс скачал протоколы и за две недели вы зубрил их наизусть. Время от времени устраивал себе проверки – тыкал пальцем наугад в перечень неотложных состояний и с ходу, не задумываясь, рассказывал, что нужно делать. Опять же, «скорая» долго пациентами не занимается. Сделают пару-тройку уколов и везут в больницу.

Лечение скоропомощные бригады не назначают, этим занимаются врачи поликлиник и стационаров. Единственная задача «скорой» – стабилизация состояния пациента. А это, если вдуматься, не такое уж и сложное дело. Для пущего спокойствия можно будет попросить, чтобы сначала, как новичку, раньше на «скорой» не работавшему, дали бы опытного фельдшера. А еще Алекс узнал о том, что по скоропомощным правилам новички к самостоятельной работе сразу не допускаются, проходят двух или трехнедельную стажировку. Это замечательно – за две-три недели можно научиться пользоваться всей аппаратурой и освоить установку подключичного катетера, а также другие манипуляции. «Да я вообще со станции во время стажировки вылезать не буду, – думал Алекс. – Что мне дома делать?».

Финансовая сторона вопроса тоже привлекала. На «скорой» платили больше всего. Сама зарплата повыше, плюс надбавки за ночную работу и еще за что-то. И график удобный, полторы ставки – это сутки через двое. Десять дней в месяц работаешь, двадцать – отдыхаешь. Красота! Хватит времени на то, чтобы как следует познакомиться с Москвой и завести здесь знакомства. Нельзя же всю жизнь жить бирюком, к тому же врачу отшельнический образ жизни противопоказан. Врач должен иметь много знакомых, которые будут его «рекламным фондом». Чем больше контактов, тем больше потенциальных клиентов. Через годик-другой, когда в Братске окончательно забудут о Савелии и его сыновьях, можно будет и в соцсетях засветиться, впрочем, посмотрим по обстоятельствам.

В трудовой книжке Александра Бушмакина был полугодовой пробел, на который при трудоустройстве сразу же должны были обратить внимание. После увольнения из первой городской больницы Алекс больше нигде не работал. Длительные пробелы сразу же наводят на мысли о запоях или еще о чем-то нехорошем, но Алекс придумал объяснение, которое казалось ему убедительным. Пережив тяжелую психотравму, он понял, что не может жить дальше в Братске, где каждый дом, каждое дерево, напоминают ему об отце, матери и брате, которых он горячо любил и по которым безмерно скучает. Решил уехать как можно дальше и остановил свой выбор на Москве. Но организация переезда с продажей и покупкой квартир требовала много времени, поэтому с работы пришлось уволиться.

В качестве ответа на вопрос: «а почему вы вдруг решили работать на скорой помощи?» у Алекса был приготовлен замечательный ответ: «Я хочу делать настоящее дело, а не бумажками заниматься с утра до вечера! Хочу реально

помогать людям и видеть результат!». Пуд решительности, фунт серьезности, две унции пафоса – и ни один скоропомощной начальник не устоит.

Читая форумы, Алекс выяснил, что устройство на «скорую» начинается с подстанции. Нужно получить согласие заведующей, а затем ехать в центральный офис, для оформления. На форумах московские «скорики» (Алекс уже начал овладевать профессиональным жаргоном) ругали на чем свет стоит некоего Сестричкина, главного по кадрам. И вредный он, и въедливый, и самодур, и вообще скотина. Любит задавать каверзные вопросы и может дать от ворот поворот, несмотря на согласие завподстанцией и хроническую нехватку кадров. Бывалые люди советовали приходиться к Сестричкину в идеально чистой и идеально отглаженной одежде, с аккуратной прической, «выбритый до хруста» физиономией и чистыми руками, поскольку если этот гад что-то и ценит в людях, так это аккуратность и педантичность. Боже упаси подать ему документы ворохом! Документы должны лежать в папочке, каждая бумажка или «корочка» в отдельном пластиковом «гнездышке». На стуле не разваливаться, ногу на ногу не закидывать, на вопросы отвечать кратко и по существу, Сестричкина называть «Валентином Валериановичем». Если случайно вылетит «Валериан Валентинович», то на этом аудиенцию можно считать провалившейся. Подобные оговорки Сестричкин воспринимает как насмешку. Алекс принял все к сведению и даже потренировался произносить «Валентин Валерианович», чтобы случайно не оплошать.

– Я, в принципе, не против, врачи нам нужны, но на Центре вас вряд ли оформят, – сказала Алексу заведующая подстанцией после недолгих расспросов и беглого изучения документов.

– Почему? – удивился Алекс.

– Там не любят таких анамнезов, – смущенно улыбнулась заведующая. – После ординатуры по кардиологии и вдруг на «скорую».

– Я же вам всем объяснил. Мне в отделении работать скучно. Настоящего дела нет, одна писанина. А мне хочется приносить пользу...

– Лично я не против, – заведующая размашисто написала на заявлении Алекса «Согласна». – Но у них там свои тараканы. Желаю вам удачи!

В приемной главного кадровика Алексу пришлось просидеть около часа пока подошла его очередь. Ритм у Сестричкина был непонятный. Некоторые из оформляющихся выходили через две-три минуты, а некоторые задерживались минут на двадцать. Алекс попытался было завести знакомство с симпатичной секретаршей, но та смотрела таежным волком и на контакт не шла.

Сестричкин оказался совсем не таким, каким представлял его Алекс. Никакого начальственного величия и сановной суровости – суетливый лысый сморчок с жидкой бороденкой и подергивающейся щекой. На приветствие не ответил, присесть не предложил, документы смотрел с таким отвращением, будто ему использованную туалетную бумагу подсунули. Когда все просмотрел, не протянул папку Алексу, а просто швырнул перед собой на стол и спросил неприятным скрипучим голосом:

– Почему в стаже такой перерыв?

Алекс объяснил. Вопреки его опасениям, Сестричкин не стал углубляться в эту тему, видимо ответ его полностью устроил. Беда пришла оттуда, откуда Алекс ее не ждал. После того, как он сказал о своем желании приносить пользу людям и заниматься настоящим делом, Сестричкин поморщился и сказал:

– Не надо вешать мне лапшу на уши! Вы же прекрасно понимаете или вам уже объяснили, если вы не понимали, что с вашей подготовкой вам в московских больницах делать нечего. Поэтому вы решили пойти на «скорую», верно?

– А чем плоха моя подготовка? – удивился Алекс. – Закончил университет, прошел ординатуру...

– Какой университет?! – перебил Сестричкин. – Иркутский? И вы считаете, что этого достаточно для работы в Москве?

Алексу стало обидно за учебное заведение, в котором он никогда не учился.

– У нас хороший университет... – начал он, но Сестричкин снова его перебил.

– Был бы хороший, вы бы сейчас в Кардиоцентр бы устраивались, а не на «скорую»! Неужели вы думаете, что только вы один умный, а все вокруг дураки?

Наберитесь мужества и скажите прямо, что вы хотите устроиться на «скорую», потому что никуда больше вас не берут!

«Проницательный гад, ничего не скажешь, – подумал Алекс. – Вот как с ним разговаривать – стоять на своем или признать, что мне действительно больше некуда деваться? Стоять на своем бесполезно – раз сразу не поверил, то и не поверит, только разозлится. Эх, была не была!».

– Да, вы правы, Валентин Валерианович, меня вряд ли возьмут на работу в московский стационар, и я это сознаю! – сказал Алекс, изображая лицом смущение.

– Я вас тоже не возьму! – отрезал Сестричкин. – На «скорой» и без вас хватает портачей. Можете быть свободны и пригласите следующего!

Алекс крепко стиснул зубы, стараясь удержать нехорошие слова, которые так и норовили сорваться с языка. Среди ювелиров города Братска слово «портач» считалось тяжелым оскорблением, которое обязательно нужно было обосновать, то есть сказать, где и как человек что-то напортачил, например – плохо закрепил камень или «сжег» изделие. А тут его обзывают «портачом» на третьей минуте знакомства, можно сказать ни за что, ни про что.

Молча выйдя из приемной Сестричкина, Алекс дал волю языку в коридоре. Стало немного легче и появилось желание выпить холодного пива, чтобы загасить пылавшее внутри пламя ярости. Желательно – под какую-нибудь рыбную закуску. Как человек, выросший на Ангаре, Алекс предпочитал рыбу всем прочим закускам. Но сперва нужно было сообщить заведующей подстанцией, что ей не стоит на него рассчитывать. Заодно можно и совета спросить. Вдруг получится устроиться на «скорую» в обход зловредного Сестричкина?

– Теоретически это возможно, – сказала заведующая. – Когда Валентин Валерианович будет в отпуске. Но в отпуск он уйдет не раньше второй половины сентября и не факт, что в то время у меня будут незакрытые врачебные ставки. К тому же, если ваше имя прозвучит на Центре из-за какой-нибудь жалобы, он сразу же вас вспомнит и отыграется по полной программе за то, что вы его обошли. Память у Сестричкина феноменальная, он помнит все и всех, а подобные действия расценивает как личное оскорбление.

– Иными словами, никаких шансов устроиться на «скорую» у меня нет? – полувопросительно констатировал Алекс.

– Ну почему же? – улыбнулась заведующая. – Шансы всегда есть. Вы можете устроиться на «скорую» в Подмоскovie. Не возьмут в одно место, попробуйте в другое. Областная «скорая» централизована чисто формально, все кадровые вопросы решаются на местах. Платят там, конечно, меньше, и машины не такие, как у нас, но зато работа спокойнее, районы небольшие, гораздо меньше уличных вызовов и нет такого гнетущего контроля за каждым шагом, как в Москве. Короче говоря, везде есть свои минусы и свои плюсы. Если надумаете, то начните с Ретеева, это близко, сразу за Кольцом. Через год-полтора можете снова к нам попробовать устроиться, если захотите. При наличии скоропомощного стажа сделать это будет легче...

«Через год-полтора я найду себе работу получше», подумал Алекс. Он не собирался всю жизнь ездить по вызовам. И работать всю жизнь в отделении тоже не собирался. Раз уж судьба подарила шанс стать врачом, то его нужно использовать по полной программе – закрепиться в медицине и сделать карьеру, научную или руководящую. Впрочем, в медицине эти два пути тесно связаны. Кого из начальства не возьми – профессор или, хотя бы, кандидат наук. Опять же, руководить легче, чем «тянуть ляжку».

– А может вы согласились бы работать в приемном отделении? В нашей больнице есть свободные ставки.

– Нет! – твердо ответил Алекс. – Спасибо за предложение, но в «приемник» я не пойду. Это не мое.

Что такое быть врачом приемного отделения он понял еще в первой больнице города Братска. Не работа, а какая-то карусель. Все дежурство тебя дергают со всех сторон, нужно быть всегда начеку и молниеносно вникать в суть дела, поскольку скоропомощные и поликлинические диагнозы далеко не всегда совпадают с реальными. Распределение пациентов по отделениям часто приводит к скандалам и приходится доказывать свою правоту, обосновывать свое решение. Для всего этого нужны знания и опыт, которых у Алекса не было. Пока еще не было.

Ретуевская подстанция скорой помощи тоже находилась на территории городской больницы. На форумах не раз упоминалось о том, что лучше работать на обособленной, отдельно стоящей подстанции, чем на той, которая располагается при больнице – меньше начальственного контроля, больше спокойствия. Но если заморачиваться такими тонкостями, то будешь искать работу до морковкина заговенья.

Перед тем, как войти в скоропомощной корпус, Алекс посмотрелся в тонированное стекло припаркованной рядом хонды и остался доволен своим внешним видом. Красавец-молодец, которого даже сломанный нос не портит. Наоборот – небольшая горбинка делает лицо интереснее. Прямых носов много, а вот такой – только у него. Однотонная серая рубашка с коротким рукавом и аккуратный кожаный портфель дают понять, что Александр Бушмакин – человек серьезный, а приветливый взгляд и легкая улыбка свидетельствуют о том, что он не какой-нибудь «сухарь», а дружелюбный, компанейский парень. Хорошо, если и здешний начальник окажется таким же – дружелюбным и компанейским.

Подумал – и будто заколдовал. В кабинете заведующего подстанцией сидел за столом и что-то писал плотный бородатый мужик лет тридцати – тридцати пяти. Алекс сначала подумал, что это кто-то из сотрудников уединился в начальственном кабинете для написания какой-нибудь важной бумаги, но Борода (так прозвал его Алекс) оказался заведующим. Узнав, что Алекс пришел по поводу трудоустройства, заведующий отодвинул бумаги в сторону, встал, протянул руку и представился:

– Юрий Владимирович, для своих просто Юрий.

Начитанный Алекс знал, что на «скорой» отчества практически не употребляются, все называют друг друга по именам, но от начальства, да еще и при знакомстве, такой простоты не ожидал. Пришлось на ходу менять схему поведения – по глазам «просто Юрия» было ясно, что заливать ему про «хочу делать настоящее дело» не стоит. Лучше сказать правду, немного ее отлакировав.

– Вообще-то я хотел работать в кардиологии, по специальности, но в первой городской больнице Братска кардиологического отделения не было, пришлось устроиться в терапевтическое. Там я быстро понял, что постепенно превращаюсь в терапевта, теряю свою узкую специализацию, не могу закрепить на практике те знания, которые получил в ординатуре...

Здесь Алекс сделал паузу, давая возможность Юрию вставить слово, которое прояснило бы его отношение к услышанному.

– И в Москве пытались пробиться в кардиологические отделения, но у вас ничего не вышло! – подхватил заведующий. – В Кардиоцентре не были?

– Да куда уж мне! – скромно ответил Алекс. – Я так, по обычным больницам ходил. Начал с семидесятой, потом был в пятнадцатой и шестьдесят восьмой... Ну, в общем, провинциала без связей и опыта работы никуда не берут. Предлагали только приемное отделение, а туда я не хочу.

– Да, – кивнул заведующий. – Приемный покой – это филиал ада. А в Москве на «скорую» устроиться не пытались?

– Пытался, – Алекс сокрушенно вздохнул. – Мне на шестнадцатой подстанции было бы очень удобно работать, она в пешем доступе от моего дома, минут пятнадцать-двадцать быстрым шагом. Заведующая была согласна, но на Центре есть некто Сестричкин...

– Знаем-знаем, – усмехнулся заведующий. – Тот еще фрукт, гнилой насквозь и с придурью. Он меня в свое время вышиб с сорок второй подстанции по совершенно необоснованной жалобе. И что? Я пришел сюда, – последовал хлопок ладонью по столу, – и вот уже третий год как заведую. А в Москве все бы на линии работал. Как говорится, нет худа без добра. К счастью, у нас окончательное решение принимаю я, там, – заведующий ткнул указательным пальцем вверх, – в эти дела не вмешиваются. Грехи есть какие-нибудь? Только честно. На «скорой» все тайное сразу же становится явным.

– В смысле это? – Алекс щелкнул себя по кадыку пальцем.

– И это, и это, – заведующий изобразил, будто делает себе внутривенный укол в левую руку, – и все остальное.

– Пью я умеренно, а всем прочим совсем не увлекаюсь, – ответил Алекс, глядя собеседнику прямо в глаза. – А еще я не беру чужое без спроса и не занимаюсь вымогательством. Но один недостаток у меня есть – хромаю не только по части опыта, но и по части знаний. В универе же как? Выучил, сдал, забыл. В голове

без привязки к практике ничего не задерживается. А в ординатуре нас ничему не учили, только грузили писаниной и дежурствами...

Заведующий понимающе кивнул. «Катит!» – обрадовался Алекс, цитировавший прочитанное на форуме.

– Короче говоря, мне непременно нужна стажировка и хотелось бы работать с опытным фельдшером. Если это возможно.

– Все будет! – ответил заведующий. – Без стажировки никак и новички у нас всегда работают с опытными фельдшерами.

«Дело сделано!», обрадовался Алекс, приготовившийся к длительному хождению по подстанциям.

– Только уговор! – заведующий слегка нахмурился. – Чтобы никакого врачебного чванства. Если знающий фельдшер говорит, что нужно делать, незнающий врач делает это без пререканий. А то некоторые сразу же в позу встают – нечего меня поучать, я в бригаде главный! С такими у меня разговор короткий, трудовую в зубы и скатертью дорога!

– Я так делать не буду, – пообещал Алекс. – Честное слово. Я понимаю, что я – зеленый новичок, которому предстоит учиться, учиться и учиться.

– Молодец! – похвалил заведующий. – Ты мне сразу понравился, видно, что нормальный мужик, а не клоун какой-нибудь. И то, что ты честно сказал о своих знаниях мне тоже понравилось. Некоторые здесь, в моем кабинете, из себя академиков строят, а сами не знают, каким концом трубку в трахею нужно вставлять. Держи перечень документов для трудоустройства...

Переход на «ты» означал, что Алекса уже считают своим.

«Не сразу все устроилось, Москва не сразу строилась», вспомнил он слова известной песни.

Ничего, что не сразу, а только со второй попытки.

Главное, что устроилось.

Глава четвертая. Прямолинейный врач

Фельдшера Алексу дали такого, что хоть влюбись да женись, как говорила мать – истинное совершенство во всех отношениях. Симпатичная, умная, ловкая, опытная – десятый год на линии работает – и вдобавок еще и деликатная. Все советы подает в такой форме, что со стороны никто не понимает истинного распределения ролей в бригаде. Если, к примеру, Алекс назначит на вызове что-то не то, то фельдшер молча сделает по-своему, а после, с глазу на глаз, объяснит ошибку и скажет, что нужно записать в карточку. Если видит, что Алекс не знает, что назначить, спросит «два кубика фуросемида в мышцу, да, Александр Николаевич?». Вроде бы и подсказка, а вроде бы и нет. Если Алекс сомневается по поводу госпитализации, которая необходима, то спросит: «Ну я пойду за носилками, да?» или же: «На носилках или своим ходом?». А если Алекс соберется везти кого-то в больницу без оснований, то скажет: «Сегодня вряд ли с этим возьмут, у них перегрузка». Это же совсем не то, что «с таким диагнозом госпитализация не полагается». Звали фельдшера Татьяной, а фамилия у нее была звучная, редкая и, как сообщил Алексу всезнающий Гугл, аристократическая – Доливо-Добровольская. На шуточный вопрос: «Где находится ваше родовое имение?» Татьяна ответила: «А хрен его знает, это у папаши моего нужно спрашивать, но он слинял с концами, когда мне два года было». Это обстоятельство еще больше расположило Алекса к Татьяне, она прекрасно знала, каково это – расти без отца и сочувствовал всем, кому пришлось пройти через это. А Татьяна прониклась к Алексу во время их второго дежурства, когда Алекс не дал ей выбросить на ветер двадцать пять тысяч рублей.

Дело было так. Во время передышки, когда Алекс смотрел футбол в комнате отдыха, а точнее – дремал под монотонный бубнеж комментатора, явилась Татьяна и попросила у него займы три с половиной тысячи рублей.

– Там бабушка пришла, – возбужденно тараторила она, – принесла продавать старинные серьги с бриллиантами. Красота невероятная, я давно о чем-то таком мечтала! В скупку она идти боится, там обманывают, вот и пришла к нам. Просит всего двадцать пять тысяч, это едва ли четверть настоящей цены, ей деньги

срочно нужны, чтобы сестру похоронить. А у меня как раз день рождения через неделю, мне муж с родителями эти серьги в складчину оплатят, как подарок, так что я деньги быстро верну, не сомневайтесь (тогда они между собой даже с глазу на глаз еще были на «вы»). Я почти всю сумму собрала, только трех с половиной тысяч не хватает. Одолжите, а?

– Одолжу, – ответил Алекс. – Без проблем. Только хотелось бы сначала взглянуть на серьги.

– Я договорилась, что она мне их продаст! – заволновалась Татьяна. – Если я деньги быстро найду...

– Да не буду я их покупать, – усмехнулся Алекс. – Мне серьги дарить некому. Только посмотрю, любопытно.

– Тогда пойдемте, она у входа стоит, ее охранник дальше не пускает. Сегодня же Вовка-омоновец дежурит, он вредный.

Старушка оказалась маленькой, худенькой и благостной. Одета во все черное, сумочку крепко держит обеими руками, глаза печальные-печальные. Алекс еще издали раскусил в ней аферистку-голдошницу, впаривающую фальшак доверчивым лохам. Но, надо отдать ей должное, антураж был организован качественно. Серьги лежали в старинном бархатном футляре с остатками золотого вензеля на истертой до блеска крышке. Золото потемнело, камни потускнели, сразу видно, что серьги давным-давно не надевали...

– Правда же прелесть?! – тараторила Татьяна. – А работа какая! Кто, вы говорили, их изготовил?

– Овчинников, – тихо и с достоинством ответила старушка. – Был такой придворный ювелир, его фирма имела магазины на Кузнецком мосту и на Ильинке. В том, что на Ильинке мой дед их и купил для моей бабки на двадцатую годовщину их бракосочетания.

– Ох, как я люблю вещи с историей! – Татьяна восхищенно закатила глаза. – Класс!

– Никакая это не старинная работа, – сказал Алекс, глядя прямо в бесстыжие глаза аферистки. – Всего лишь имитация, причем – небрежная. Камни в старину крепили иначе, и огранка была другой. Золотом тут и не пахнет, это латунь, а брюлики стеклянные. Красная цена этим бирюлькам – пятьсот рублей, вместе с футляром и историей.

– Да что вы говорите! – ахнула Татьяна. – Не может быть!

Со старушки моментально слетело все благолепие. Грязно выругавшись, она сунула коробочку с серьгами в сумку и выскочила во двор с проворством, которого никак нельзя было от нее ожидать.

– Бабка тоже фальшивая, – констатировал охранник. – Ей не больше сорока?, больно уж резвая. Она мне сразу не понравилась...

– Тебе вообще никто никогда не нравится! – огрызнулась Татьяна и обернувшись к Алексу спросила: – Доктор, откуда у вас такие познания? Неужели в иркутском меде читают курс ювелирного дела?

– Если бы этот курс читали в универе, то я бы давно все забыл, – пошутил Алекс. – Но мой старший брат был ювелиром и успел кое-чему меня научить...

Татьяна и охранник придали лицам скорбное выражение. О трагической гибели родителей и брата Алекс рассказал только заведующему подстанцией, но знали об этом все, вплоть до сестры-хозяйки Арины Артуровны, которая называла Алекса «сиротинушкой» и угощала пирожками собственной выпечки. Пирожки у Арины Артуровны были хорошие, почти как у мамы.

Ясное дело, что после этого у Алекса установились самые лучшие отношения с Татьяной (ничего лишнего, только сотрудничество и взаимовыручка), а его акции на подстанции существенно поднялись в цене. Да, доктор молодой, опыта маловато, но зато дока в ювелирном деле. На протяжении двух недель подстанционные дамы приносили Алексу для оценки свои драгоценности. Увидев, что из кулона старшего фельдшера Альбины Ивановны вот-вот выпадет полуторакаратный изумруд, Алекс сказал, что изделие нуждается в починке и вызвался помочь, благо весь свой ювелирный инструмент вместе с реактивами он привез из Братска в Москву. В Москве никто не мог удивиться тому, что младший сын Савелия шарит в ювелирке, а иногда было так приятно тряхнуть

старинной и что-нибудь отполировать-починить. В качестве постоянной работы ювелирное дело привлекало Алекса мало, а вот как хобби оно оказалось вполне ничего. Опять же, приятно было делать что-то на высоком профессиональном уровне. Чисто для самоуважения.

За три месяца работы на «скорой» Алекс невероятно прогрессирует в профессиональном плане. Во-первых, медицина перестала быть для него чужой (в Братске добиться этого не удалось). Во-вторых, он обрел уверенность в своих силах и перестал терзаться мыслями относительно того, правильно ли он поступил, превратившись в Саньку. Правильно! Правильно! Это же совершенно другая жизнь и совершенно другие возможности!

Из Ретуева нередко приходилось госпитализировать пациентов в московские стационары. У кого-то – «добровольная», то есть платная страховка, кто-то прикреплен к ведомственной больнице, а для кого-то в областных стационарах не нашлось места... Оказавшись в столичной конторе, Алекс старался заводить знакомства, хотя бы и на уровне приемного отделения. Для этого всегда имел при себе пачку «Парламента» и несколько шоколадок. Если угостишь человека сигареткой или шоколадкой, то он к тебе сразу потянется... На подстанции Алекс объяснял наличие у него сигарет тем, что хоть он и бросил курить, но запах хорошего табака доставляет ему удовольствие, поэтому он и носит при себе распечатанную пачку. Примечательно, что никто из подстанционных курильщиков никогда не пытался «стрельнуть» у Алекса сигаретку. Человек же не курит, у него особые обстоятельства. И вообще, народ на ретуевской подстанции скорой помощи был гораздо деликатнее и проще, чем в первой больнице города Братска. Вот кто бы мог подумать? Никакой фальши в поведении, никакого притворства, никакого стукачества и все друг за друга горой, вне зависимости от межличностных отношений. Доктор Иванов может ненавидеть доктора Петрова, но на вызове он о нем никогда ни одного плохого слова не скажет. В первой больнице города Братска все было иначе – каждый врач, общаясь с пациентами, всячески старался принизить своих коллег и возвысить себя, гениального до невозможности.

– А что ты хочешь? – удивилась Татьяна, когда Алекс поделился с ней этим своим открытием (к тому времени они уже перешли на «ты»). – Мы же на передовой, поэтому у нас все по-другому. Без взаимовыручки и взаимного доверия нам никак нельзя. Меня подруга звала в поликлинику, старшей медсестрой, сама она там главной недавно стала. Ночной работы нет, никуда не выезжаешь, а сидишь в кабинете, при этом денег почти вдвое больше, чем у меня здесь, потому что

премии у старших сестер постоянные и весьма нехилые. Но я отказалась. И почему? Потому что я дура, которая счастья своего не видит? Или потому что мне звание фельдшера дороже всего на свете? Нет, просто у нас здесь здоровая атмосфера, а там – гнилая. Все друг друга подсиживают, все друг другу завидуют, все друг на друга начальству доносят. Даже думать об этом противно, не то, чтобы в этом котле вариться. Тьфу!

– А у нас не доносят? – поддел Алекс.

– Был один такой, – усмехнулась Татьяна. – Володька Федорович, редкостный засранец. Его из кремлевской «скорой» выперли за какие-то грехи, так он у нас пытался карьеру сделать. Ходил с блокнотиком, все записывал, а потом докладывал начальству, причем не местному, а верховному, в Красногорске...

В городе Красногорске на Знаменской улице находилось руководство Московской областной станции скорой помощи.

– ...Так с ним однажды неприятность произошла, – продолжала Татьяна. – Его в январе зачем-то в сломанную машину занесло, которая на улице стояла, а дверь заклинило так, что не открыть. И телефон у него, как назло, на подстанции остался. Дело было ночью, зима, мороз, народу во дворе нет, никто на его стук и внимания не обратил. Только утром его выпустили, бедолагу, после того как он шесть часов на морозе просидел без теплой курточки. Представляешь?

Веселые искорки в зеленых ведьминских глазах Татьяны совершенно не сочетались с сочувственным выражением лица.

– Представляю, – усмехнулся Алекс. – И подозреваю, что он сразу же уволился.

– Угадал! – рассмеялась Татьяна. – Ни дня больше не проработал, ушел куда-то в ведомственную медицину, не то в МВД, не то в МЧС.

Для того, чтобы поскорее набраться опыта и заработать побольше, Алекс работал на полторы ставки – сутки через двое. Вроде бы и ничего – десять суток в месяц работаешь, двадцать отдыхаешь, но оказалось, что сутки после дежурства начисто выпадают из жизни. Пока отоспишься, пока придешь в себя – день и прошел. На дежурствах ночью удавалось прихватить часок-другой (в общей сумме, не подряд), но этого молодому организму не хватало. Когда же

пришло слякотно-гриппозное время, работали практически без заездов на подстанцию, разве что только для того, чтобы пополнить запас медикаментов и расходных средств. Но к тому времени организм уже перестроился и привык использовать для отдыха и сна каждую свободную минуту. Пока бригада едет на вызов, медикам делать нечего – можно поспать минут...надцать. А в сумме за сутки это...надцать даст пару часиков – уже хорошо. Можно и на вызове подремать чуток пока ждешь эффекта от проведенного лечения, не полноценно подремать, конечно, а вполглаза, но это же тоже отдых.

Слегка донимал водитель Коля Шишляйников. Мужик он был в целом неплохой, но считал себя юмористом на том основании, что мама его была родом из Одессы. Юмор – дело хорошее и в скорпомощной работе очень нужное, но бесконечное повторение одного и того же набора шуток быстро начинает раздражать.

Если Коля видел курьера, доставляющего еду, то непременно спрашивал:

– Народ, а что общего у разносчика пиццы и гинеколога?

Алекс с Татьяной молчали – ну сколько можно, в самом деле?

– Нюхать можно, а пробовать нельзя! – отвечал самому себе Коля и громко ржал.

Если приходилось констатировать смерть пациента, Коля говорил:

– Жить вредно – от этого умирают.

На каждый случай у него была своя присказка. Алекс поначалу раздражался, а потом привык к этому и стал воспринимать Колины шуточки как уличный шум, банальный звуковой мусор.

К великой радости Алекса, он оказался не самым, как бы помягче выразиться... малознающим врачом на ретуевской подстанции. Эталонем тупости был доктор Поздеев по прозвищу Голова, работавший уже семнадцатый год. Сначала Алекс думал, что Поздеев получил свое прозвище из-за большой, всегда лохматой головы, но после узнал, что поводом к прозвищу стал уникальный диагноз «Голова в инородном теле», выставленный когда-то Поздеевым ребенку,

надевшему на голову свой ночной горшок, да так, что снять его было невозможно, пришлось везти малыша в травмпункт. Прикольный диагноз стал притчей во языцех, и доктор Поздеев стал Головой.

- Горшок в травмпункте распиливали? – спросил Алекс у Татьяны, рассказавшей ему этот случай.

- Зачем? – удивилась фельдшер. – С мылом сняли. Это можно было бы и дома сделать, только Голова не сообразил. Он вообще туго соображает.

- А почему же его тогда на подстанции держат?

- Ну если ты заметил, очередь из желающих к нам не стоит, на сегодняшний день есть семь или восемь свободных ставок. А Голова – свой, к нему привыкли, потом он хоть и тупой, но ответственный. Не прогуливает, не пьет на работе, вымогательством не грешит и все делает по инструкции. Только иногда происходит сдвиг о фазе и получается, как в той сказке, где дурачок говорил траурной процессии: «Таскать вам, не перетаскать!».

«Вот и славно, – думал Алекс. – Если уж Голова столько лет работает, то я годик продержусь. А потом рвану в Москву, на хорошее место». Каким будет это хорошее место, он представлял смутно. Придет время – разберемся. Заведующий подстанцией обещал осенью отправить Алекса на курсы профессиональной переподготовки в институт Склифософского. Курсы – это замечательно. Во-первых, там можно чему-то научиться, а, во-вторых, завести полезные связи. На ретуевской подстанции с этим дело обстояло туго, в основном приходилось бывать в местных больницах, которые Алекса не очень-то вдохновляли. В московские стационары пациентов возили редко, настолько редко, что дважды или трижды попасть в одно место не удавалось. А ведь знакомства завязываются не сразу, сначала нужно немного примелькаться, чтобы тебя запомнили, а потом уже можно действовать.

Но в целом и общем все было хорошо. Александр Николаевич Бушмакин активно «вращался» в медицину, а в свободное время знакомился с Москвой. На первое время программа была такой – досконально изучить свой район и центр, в пределах Садового кольца. Ну а в идеале... Впрочем, до идеала пока еще было далеко.

Тот вопрос, без решения которого здоровому молодому человеку никак нельзя обойтись, решился очень удачно. Связывать себя брачными узами Алекс пока что не собирался. Заводить амуры на подстанции категорически не хотелось, несмотря на то, что имелись весьма достойные кандидатуры. Скоропомощная свобода нравов, помноженная на всеобщее братство, невероятно располагали к романтике, но Алекс считал, что на работе этим заниматься не следует. Пока роман кочегарится (так выражались в Братске), все вроде бы и ничего, но рано или поздно все проходит и тогда обиды могут приводить к неприятным последствиям. А если у тебя есть такое слабое место, как отсутствие реального медицинского образования и фундаментальных знаний, то тебе всяческих сложностей нужно избегать. Где работаешь – там не любись. А вот там, где живешь – вполне можно, это очень удобно. Как-то вечером, возвращаясь с прогулки по центру, Алекс разговорился с женщиной, выгуливавшей шебутного йоркширского терьера. Собака с грозным лаем набросилась на Алекса, женщина начала извиняться, Алекс сказал, что он нисколько не испугался (еще чего не хватало – пугаться такой мелюзги), так и познакомились. Женщине было тридцать четыре года, ее звали Ольгой, она работала бухгалтером в строительной фирме и третий год пребывала в одиночестве после развода. Судя по тому, какой бурной, нет – поистине ураганной или, даже, вулканической была их первая ночь, одиночество успело изрядно отяготить Ольгу. Так и сложился необременительный роман, от которого обе стороны получают удовольствие и при этом не отягощают себя никакими обязательствами. Матримониальных поползновений с Ольгиной стороны можно было не опасаться. Она не раз говорила о том, что разница в возрасте не дает им никаких шансов.

– Двадцать шесть и тридцать четыре – это ничего, а вот сорок шесть и пятьдесят четыре – это катастрофа для женщины!

Однажды в январе, утром, после бритья, Алекс сказал своему отражению в зеркале:

– А жизнь-то потихоньку налаживается, брателла!

Сказал и сглазил. Придя на работу, узнал, что Татьяна заболела и работать ему до двадцати трех часов придется одному, а затем к нему присоединится фельдшер, отработавший полусутки на бригаде перевозки, занимавшейся транспортировкой стабильных пациентов между стационарами и из стационаров домой. «Ничего страшного, – подумал Алекс. – Справлюсь. Главное делать все, как положено»...

Повод к вызову не предвещал ничего тревожного. «Женщина, пятьдесят два года, плохо с сердцем». «Плохо с сердцем» – это главный и основной повод к вызову скорой помощи. Как говорят в народе: «Что ни болит, все к сердцу вали?т». А уж в субботу вечером, после обильных перегрузок выходного дня, утомленному сердцу просто положено чувствовать себя не самым лучшим образом.

У подъезда пятиэтажки Алекса ждал полный высокий мужик, который представился мужем пациентки.

– С Анечкой что-то не так, – бубнил он в спину Алексу, пока они поднимались на третий этаж. – Здоровье у нее не особо хорошее, часто простужается и разные женские недомогания тоже присутствуют, но такого, как сегодня, никогда не было...

Алекс уже усвоил, что информацию нужно получать только из первых рук, поэтому слушал мужа пациентки вполуха. Дама в сознании? Прекрасно! Значит, сама расскажет, что с ней произошло. Незачем играть в «испорченный телефон».

Женщина сидела в кресле, а не лежала на стоявшем рядом диване. «Значит, не так уж все и плохо», подумал Алекс, привыкший к тому, что тяжело больные люди всегда лежат, а не сидят. Небольшую бледность можно было списать на астеническую конституцию. Толстушки большей частью краснощекие, а худышки – бледные.

– На что жалуетесь? – спросил Алекс, поставив на постеленный на полу ковер ящик с медикаментами и кардиограф.

В самом начале он несколько раз огреб замечания за то, что без спросу ставил бригадное имущество на стол или на стул и теперь предпочитал ставить на пол, если, конечно, на столе не была заранее расстелена газета (бывалые пациенты так обычно и делали).

– Да что-то в груди закололо и вообще как-то нехорошо, – ответила женщина, положив на грудь правую ладонь. – Уронила пульт, наклонилась и тут прихватило...

– Когда наклонились? – уточнил Алекс. – Или позже?

– Вот прямо в этот самый момент. И рука вдруг ослабла, пульт удержать не могла. Когда распрямилась, стало полегче, но все равно не отпускает. Такое ощущение, будто гвоздь в грудь вколотили.

«Все с тобой ясно, – подумал Алекс, – межреберная невралгия. Неловкое движение вызвало ущемление нерва, потому и рука ослабла. А при прямой спине действительно должно стать полегче, поскольку нерв уже не сдавливается». Механизм сдавления нервов, отходящих от спинного мозга, Алекс уже успел изучить. Да и что там изучать? Нерв зажимается между двумя позвонками, словно в тисках, отсюда и все неприятности.

При надавливании на грудину пациентка ойкала, что тоже свидетельствовало в пользу межреберной невралгии. Сердце с грудиной не связано, дави – не дави интенсивность боли не изменится. Алексу стало приятно от сознания того, что он, работая в одиночку, действует как настоящий врач. А разве он не настоящий? Самый что ни на есть, уже с некоторым опытом!

Доктор Филатов, бывший наставником Алекса в период стажировки, учил:

– После тридцати пяти лет при любых болях в груди и при любом непонятном недомогании обязательно делай ЭКГ! Всегда-всегда! А если в анамнезе есть сахарный диабет, то и в двадцать лет снимай, диабет портит сосуды со страшной силой.

Алекс так и делал, а иной раз снимал кардиограмму и при болях в животе. Где-то он читал, что одного человека неделю лечили от дизентерии, а потом удосужились снять кардиограмму и увидели, что у пациента инфаркт. Как говорится, береженого Бог бережет, а не береженого конвой стережет. Чур нас, чур от такого «счастья»!

Кардиограмма пациентки была в полном порядке, никаких отклонений от нормы, к которой Алекс уже успел хорошо приглядеться. На что там еще нужно обращать внимание при подозрении на инфаркт? На артериальное давление? Алекс намерял сто пять на семьдесят. Для худенькой женщины – вполне ничего, в пределах нормы. Это у толстухек давление обычно повышенное.

– У вас обычная межреберная невралгия, – сказал пациентке Алекс, закончив рассматривать кардиограмму. – На фоне остеохондроза позвоночника. В момент наклона позвонки защемили нерв, отсюда и все симптомы...

– А я читал, что никакого остеохондроза позвоночника в природе не существует, – встрял муж пациентки, до этих пор хранивший молчание с настороженно-скорбным выражением лица. – Этот диагноз придумали в СССР для того...

– Ну как же не существует? – спросил Алекс снисходительным тоном, которым взрослые разговаривают с маленькими детьми. – С возрастом все кости изменяются, деформируются, в том числе и позвоночник. Вот вам и остеохондроз. Сейчас я вам сделаю обезболивающий укол, а завтра вызовете врача из поликлиники и он вам назначит лечение.

– Не надо уколов! – решительно отказалась женщина. – У меня попа тощая, после любого укола шишки образуются. Я лучше таблетками полечусь, у нас есть и анальгин, и индометацин, и еще что-то на «эм»...

– Как хотите, – не стал настаивать Алекс, которому не очень-то и хотелось возиться с инъекцией. – Да, и вот еще – спать нужно на жестком ортопедическом матрасе, а не на пуховых перинах. Так лучше для позвоночника.

– У нас как раз такой матрас, – сказал муж. – Итальянский, пружинный.

– Тогда я за вас спокоен, – улыбнулся Алекс.

В прихожей муж попытался было сунуть Алексу в карман куртки тысячерублевую купюру, вызвав воспоминания об отце-папаше, который точно так же засовывал в карман «зелень», но Алекс решительно отвел его руку в сторону и укоризненно сказал:

– Это лишнее и вообще ни к чему. Купите супруге чего-нибудь вкусного и считайте, что вы меня этим отблагодарили.

Мудрый наставник Филатов учил:

– Если заработал, то можно и взять, разные бывают ситуации. Но если не заработал, то не бери, как бы ни предлагали. Дадут не подумав, а после пожалеют – не за что же было давать. И накатают жалобу.

Алекс запоминал все советы наставника, потому что тот был правильным мужиком и классным специалистом, работавшим уже двадцать третий год. Такой зря не скажет и плохому не научит.

Спустя три часа после отъезда Алекса, поступил повторный вызов по тому же адресу, к той же женщине пятидесяти двух лет, только повод на этот раз был другой – не «плохо с сердцем», а «без сознания». На вызов поехал Голова и законстатировал смерть пациентки, умершей еще до приезда скорой. Утром, после пятиминутки, Юрий пригласил Алекса в кабинет и стал расспрашивать про злополучный вызов. Точно ли там была невралгия? Не возникло ли подозрений на инфаркт? Полностью ли был собран анамнез? Снятую Алексом кардиограмму заведующий разве что на свет не смотрел, все искал признаки инфаркта. Но не нашел и сказал, что придется ждать вскрытия, только оно сможет ответить на все вопросы.

– Да не убивайся ты так! – ободрил расстроенного Алекса Голова. – Разные бывают ситуации и совпадения. Может, у нее тромбоэмболия произошла, а может ее муженек отравил... Да-да, такое тоже бывает, уж поверь мне. Ты все сделал правильно, а предсказывать будущее тебя в институте не учили.

«Да меня вообще ничему не учили», чуть было не ляпнул Алекс, но вовремя сдержался. И пациентку было жаль – молодая ведь еще, и по поводу своего будущего беспокойство одолевало. А вдруг там действительно был инфаркт? Что тогда? Дадут выговор? Выгонят с работы? Посадят за халатность? Воображение рисовало страшные картины – вот ему устраивают экзамен и выясняют, что он не знает элементарных вещей, известных каждому студенту. Обман раскрывается и его судят не за халатность, а за убийство с отягчающими обстоятельствами. Какими отягчающими? Незаконное занятие медицинской деятельностью! В юриспруденции Алекс совершенно не разбирался, несмотря на то, что когда-то хотел стать адвокатом, и потому накручивал себя сверх всякой меры. Водитель Коля, с которым Алекс поделился той частью своих опасений, которой можно было делиться, поднял его на смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Белковые вещества, определяющие групповую принадлежность крови.

2

НПЗ – нефтеперерабатывающий завод.

3

Чалдон – название представителей коренного русского населения Сибири, потомков переселенцев из Европейской России XVI–XVII веков.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-shlyahov/yuvelirnaya-rabota>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)